

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Алексей МАХРОВ
Борис ОРЛОВ

ДОБРЫМ СЛОВОМ И РЕВОЛЬВЕРОМ

**Алексей Михайлович Махров
Борис Львович Орлов
Господин из завтра. Добрым
словом и револьвером
Серия «Военно-
историческая фантастика»
Серия «Господин из завтра», книга 5**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68732322

*Махров А. М., Орлов Б.Л. Добрым словом и револьвером: ИП Махров;
2023*

Аннотация

Долгожданная пятая книга известного цикла «Господин из завтра».

И вроде бы все враги повержены, Россия твердо следует вперед по пути прогресса, значительно опередив весь, так называемый, цивилизованный мир... Но межвоенный период снова оказывается коротким – если англосаксы не могут выиграть честно, на поле боя, то в ход идут различные подленькие приемчики, вроде создания в тылу нашей страны «пятой колонны» предателей.

Но император и его друзья, имеющие грандиозный исторический опыт, отлично знают, что лучший способ победить подлого, предпочитающего бить в спину, врага – это перенести боевые действия на его территорию!

Книга содержит нецензурную брань

Содержание

Пролог	6
Часть I. Покой нам только снится	13
Глава 1.Интерлюдия. Где-то на Тверской улице	13
Глава 2. Рассказывает Император Николай II	18
Глава 3. Интерлюдия. Где-то в подвалах Кремлёвского дворца	23
Глава 4. Рассказывает император Николай II	30
Глава 5. Интерлюдия. Где-то в Пензенской губернии	50
Глава 6. Рассказывает председатель КГБ князь Васильчиков	61
Глава 7. ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ	73
Часть II. Запах грядущей войны	79
Глава 1. Рассказывает Афанасий Горегляд	79
Глава 2. Рассказывает граф Александр Рукавишников	98
Конец ознакомительного фрагмента.	106

**Алексей Махров,
Борис Орлов
Господин из завтра.
Добрый словом
и револьвером**

© Махров А.М., 2023

© ООО «Издательство «Яуза», 2023

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Пролог

Куранты на Спасской башне отбивают десять часов. С первым ударом Олегыч начинает подниматься по лесенке, ведущей на трибуну мавзолея Александра III. Следом за ним шествует императрица Моретта-Татьяна с сыновьями – Дмитрием и Олегом, которых, по случаю Седьмого Ноября, обрядили в парадную форму Преображенского и Атаманского полков. За ними по ступеням тяжело шаркает премьер Долгоруков, которого поддерживают под руки сопровождающие, потом – Ренненкампф, грозно топорщащий свои усы. А вот и моя очередь. Я одергиваю парадный мундир и захожу на трибуну. За мной идут Васильчиков, Гревс, Менделеев...

– Внимание, внимание, – разносится над площадью голос Левитана. – Работают все радиостанции Российской империи.

С неба падает лёгкий снежок. Затихли трибуны, замерли шеренги войск. Бой курантов на Спасской башне разливается словно над всей землёй, над всем миром. С десятым ударом мы уже все стоим на трибуне мавзолея. Олег с Татьяной – посередине, по правую и левую руку от него – все остальные...

Из ворот Спасской башни появляются всадники. Командует парадом генерал-полковник Рокоссовский, принимает

парад генерал-фельдмаршал Брусилов.

Генералы объезжают войска, и динамики голосом Левитана комментируют происходящее. Над площадью летит «Здрав... жлай!.. А-а-а-а!» Наконец смотр войск окончен. Брусилов с адъютантом подъезжают к мавзолею. Он всходит на трибуну и встаёт рядом со мной, по правую руку. Олег чуть придвигается к микрофонам...

Император поздравляет народ России с нашей победой в 3-й Мировой войне.

На трибунах – безумство. Грохот нескончаемого «Ур-а-а!» катается по площади, отражаясь от Кремлёвских стен до ГУМа и обратно. Если приглядеться, то можно разглядеть восторженные глаза на восторженных лицах восторженных гостей. «Ур-а-а!» несётся над Красной площадью...

– Наша Родина идёт вперёд уверенно и спокойно, точно могучий корабль разрезает волны бурного океана. И нет таких сил, что свернули бы нас с выбранного пути! – спокойно и уверенно говорит император. – Мы показали всему миру, что бывает с врагами нашего Отечества, когда миллионы патриотов берутся за оружие. Подлые враги в бессильной злобе потрясали кулаками, стремясь задавить, уничтожить великую и могучую Россию. Где они теперь?

Я невольно расправляю плечи. Да, мы раздавили вражескую гадину! В Англии, Франции, Турции, Австро-Венгрии, Китае. Нам есть что вспомнить. Как начиналась эта война, когда укрепления на Сунгари и КВЖД захлёбывались в кро-

ви, когда погибал, но не сдавался Тихоокеанский флот, когда войска рвались через выжженную солнцем пустыню, мечтая о глотке воды больше, чем о жизни. Как война продолжалась, когда наши полки сражались, ломая врагам хребты, и платя за победу самой дорогой ценой на свете – своей кровью и дыханием. И как она кончалась, когда мы давили гусеницами турок и англичан, когда при виде одного танка с Андреевским крестом на броне сдавались десятки французов и сотни австрийцев, когда мы мчались вперёд, обгоняя бегущего врага, ротами принимая капитуляции дивизий. И в этой победе есть немалая доля моих заслуг. Оружие, корабли, танки, самолёты, ракеты, лазеры...

А Олегыч между тем продолжает:

– Но ещё остались в мире те, кто точит свой нож, готовясь вонзить его нам в спину. От имени всей России, от имени всего нашего народа, от Вашего имени, братья и сёстры, я говорю этим заокеанским господам: «Не выйдет!» Никогда не будет по вашему, господа! Чтобы остановить вас, мы не остановимся ни перед чем, и, если нас к этому принудят, мы снова поднимем винтовки, встанем к орудиям, сядем в бронированные чрева танков и кабины самолётов, поднимем флаги на наших кораблях. И тогда – тогда берегитесь, ибо мы не дадим вам пощады! Ни Тихий, ни Атлантический океаны не спасут вас от нашего гнева!

Правильно! Так и надо! Позови меня, братишка, я им всем покажу!..

– Парад, смирно! К торжественному маршу... – гремит голос Брусилова.

Над площадью взвизывает бессмертная «Славянка» и, чеканя шаг, по булыжникам шагают войска. Лейб-гвардия, армейская пехота, стрелки. Левитан сообщает о каждой части, чем прославилась и кто командует. На площади – кавалерия. Казаки, драгуны, уланы, гусары звонко гремят подковами по седым камням мостовой. Но вот прошли последние стрелки, проскакали последние казаки. Гром марша сменяется зловещей барабанной дробью. И на площадь выходят солдаты, несущие в руках знамёна поверженных противников. Шеренга за шеренгой они подходят к мавзолею и швыряют их к подножию, к ногам покойного императора и к ногам Императора нынешнего. Которого никто и никогда не назовет «Кровавым Николашкой», который навсегда войдёт в историю с прозвищем «Великий». Ну, или «Грозный»...

Свидетели былой славы захватчиков и насильников, бандитов и поработителей грязными тряпками лежат у всех на виду. Под этими знамёнами вы ликовали под Смоленском и Севастополем, в горах Афганистана и джунглях Бирмы, и вот – достойный конец!..

Красную площадь заполнила техника. Орудия на тягачах, орудия на грузовиках, грузовики и бронетранспортёры мотострелков. Могучие платформы боевых лазеров с гелиевой и аргоновой накачкой. И танки – целое море танков!

– Вот они – наши славные броневые машины! – грохочет

из динамиков Левитан. – Это те, кто раз и навсегда поставил точку в агрессивных планах австрийцев, турок, французов и англичан!

Чудовищная броня высекает искры из брусчатки...

– Впереди колонны идёт танк георгиевского кавалера генерал-майора Лавриненко!

Обтекаемая, приплюснутая махина, с грандиозной пушкой и двумя малыми лазерами по бокам башни...

– Он командовал танковой дивизией, когда Россия крушила военщину Франции! Танковый корпус под его командованием первым высадился на землю Англии. Перед его машинами содрогались величественные пирамиды Египта и отроги австрийских Альп, перед его танкистами склонялись джунгли Сиамы и подпирающие небо стены Гималаев!

– Вот мимо мавзолея проходит танк Героя России, подпоручика Колыбанова. Он пришёл в армию добровольцем, сражался в Манчжурии и Великой Монголии. Во время штурма Вены он горел в танке, но выжил и после госпиталя вернулся в свою часть.

Колыбанов, Колыбанов... Фамилия какая-то знакомая...

Но вот прогрохотали последние танки. А гул между тем нарастает. А, вон они! Низко-низко над площадью идут самолёты. С ревом проносятся детища Микояна и Сухого, ровно гудят моторами истребители Лавочкина, Кочеригина, Тарова...

– Эскадрилью наших соколов возглавляет Герой России

подполковник Покрышкин. На его счету 142 сбитых самолёта и более 300 уничтоженных на земле...

Я уже почти не слышу голоса Левитана. Над площадью проходят бомбардировщики. Первыми идут штурмовики, затем пикировщики... Ага! Гвоздь программы! С тяжёлым рёвом, от которого начинают вибрировать кости черепа, над головами проходят дальние бомбардировщики. Левитан почти кричит от восхищения:

– Это – ударная мощь нашей империи! Сводный полк дальней бомбардировочной авиации возглавляет машина, которую пилотирует Герой России, кавалер ордена Андрея Первозванного, генерал-полковник Российских ВВС Голованов. Его машину помнят небо Египта и Маньчжурские поля, суровые волны Тихого океана и огненный зенит Британии!

На трибунах от всей души кричат «Ур-а-а!». Правильно кричат: лучшие лётчики летят на лучших самолётах! Производства Стальграда, между прочим...

В небе – три огромные сигары. Дирижабли конструкции Циолковского. На вооружении каждого – восемь крылатых ракет с ядерной боеголовкой, по пять автоматических шестидюймовых орудий, бомбы, пулемёты... Левитан кричит во всю глотку:

– Радиус действия наших стратегических дирижаблей неограничен! Ядерная силовая установка, разработанная в лабораториях Стальграда, позволяет дирижаблю находиться

в воздухе столько времени, сколько может выдержать экипаж!..

Вот уж точно сказал Олегыч: не отсидеться супостату за океанами, найдём и задавим!

По площади ползут могучие тягачи с многоступенчатыми ракетами. Наша новейшая Стальградская разработка... Ну, враги, берегитесь! Все, сколько вас есть! Смотрите и дрожите перед мощью новых хозяев мира! А мы с Олегом сегодня выпьем в честь праздника! Вместе с его Шелиховым и Махачевым, и вместе с моим Еремой и Сашкой Ульяновым мы выпьем за Родину, за Победу, за всех тех, кто своим трудом, потом и кровью создаёт этот прекрасный, новый, дивный мир!..

... – Ляксандра Михалыч! Ляксандра Михалыч! Хозяин, проснитесь!

– Воробей? Чего тебе? – с трудом открыв глаза, хриплю я – прилёг поспать всего часа три назад.

– Ляксандра Михалыч, просыпайтесь! – Коля Воробьёв осторожно помогает мне принять сидячее положение. Рядом стоят мои ординарцы Яков и Демьян, держа в руках мундир и сапоги. – Стальград через пять минут будет, так вы разбудить велели...

Блин! Зараза! Такой парад – и сказкой оказался! Какая досада... Ладно, чего уж там...

– Колька, скажи, чтоб чай подавали!

Вот сейчас попьём чайку, и пойдём работать. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Часть I. Покой нам только снится

Глава 1.Интерлюдия. Где-то на Тверской улице

– Надо наконец покончить с кровавым режимом! – Молодой человек с растрепавшимися волнистыми волосами энергично взмахнул рукой. – Эта жуткая волна арестов и безумных процессов уже привела Россию к опасному краю. Никто уже не может быть спокойным за завтрашний день. Вдруг и его объявят «шпионом Уругвая»...

Оратор обвёл взглядом присутствующих. Молодые люди в студенческих мундирах, числом около десяти, сидевшие вокруг стола с самоваром и нехитрой чайной закуской – баранками, да рогаликами, почти одновременно опустили глаза. В большой комнате, освещённой единственной семилинейной лампой¹ под зелёным абажуром, наступила гнетущая тишина. Всем был памятен процесс над членами дома Романовых, когда бывшие великие князья и их близкие каялись в немыслимых грехах, рассказывали, как по заданию различных вражеских разведок специально урезали солдатские пайки, про-

¹ Интенсивность света керосиновой лампы измеряется шириной фитиля. Семилинейная лампа – довольно мощная, с фитилём шириной 17,8 мм.

давали армейское имущество и готовили покушение на императора. Показания давались безжизненными голосами, в зале суда, куда насильно были согнаны рабочие московских заводов и солдаты столичного гарнизона, раздавались выкрики, требования «Казнить предателей немедленно!» Это было ужасно!

Но прокатившаяся после этого волна новых процессов была ещё ужаснее. Купцы и чиновники признавались в связях с нелегальными организациями, иностранными разведками, рассказывали, как по их заданиям вымогали взятки, поставляли некачественный товар и каялись в том, что целенаправленно гноили зерно, готовили диверсии на железных дорогах, отравляли масло на маслобойнях и куриные яйца в деревнях, какие принимали шаги с целью вызвать эпидемии чумы и холеры...

– И везде и всегда это вонючее быдло, эти «чернорукие» рабочие и солдаты! В залах суда они требуют расправы над несчастными интеллигентными людьми. Говорят, что этим тварям перед началом процесса бесплатно раздают водку... Сатрапы!.. – с ненавистью произнёс один из студентов, болезненно-худой блондин с расширенными зрачками кокаиниста. – Боже, как далеки мы от просвещённой Европы! В этой проклятой стране невозможно жить свободному человеку!

– Вы абсолютно правы, мой милый друг Мишель! Эта страна просто проклята! – растрёпанный молодой человек

снова взмахнул рукой. – Но ведь будет только хуже! Сейчас это исчадие ада, этот ужасный тиран в открытую подкупает зловонное отребье – так называемый русский народ, щедро раздавая подачки в виде гарантированных десятичасового рабочего дня и размера минимального заработка. А тем временем исподволь ведёт наступление на истинные общечеловеческие ценности. Рушится основа коммуны – деревенская община, в заводских школах учителя из грамотных унтеров вдалбливают рабочим ложь о незыблемости монархии, о её необходимости в России. Уже сейчас разрабатываются новые учебные программы, и очень скоро даже в университетах начнут оболванивать молодёжь!

– Мы согласны, угроза нашей свободе серьёзная! Но хотелось бы услышать: что конкретно вы, дорогой Жорж, предлагаете? – спросил серьёзный, насупленный юноша с прямыми волосами и тёмной бородкой. – Пока вы ездили по Европе, мы не сидели сложа руки, мы пытались агитировать, мы...

– Мы хотели проучить этого сатрапа, подлого предателя, нашего бывшего товарища, Александра Ульянова! – выкрикнул худой блондин. – Но эта сволочь так отметелила нас семерых, что я потом три месяца лежал в больничке! И вот каждый раз, когда мы собираемся физически воздействовать на «иуд», переметнувшихся на сторону тирана, они дают нам такой отпор, что...

Блондин внезапно разрыдался, согнувшись над столом. Грохнулась об навощённый паркетный пол и вдребезги раз-

летелась, задетая локтем, фарфоровая чашка с остатками чая.

– Успокойся, милый Мишель, пожалуйста, успокойся! – Студент с бородкой обнял блондина за костлявые плечи. – Мы обязательно отомстим!

– Я вам отвечу честно, товарищи! Индивидуальный террор в современных условиях, когда каждый проклятый са-трап носит в кармане револьвер и не стесняется стрелять в ответ, просто невозможен! Нас, свободных людей, слишком мало, чтобы размениваться один на один с мерзавцами, носящими человеческий облик! – громко сказал оратор Жорж и, зачем-то воровато оглянувшись по сторонам, словно са-трапы уже окружили его, продолжил тихим голосом, почти шёпотом: – Соглядатаи кровавого режима рыщут повсюду, но здесь мы можем быть уверены друг в друге. Я предлагаю не размениваться на клеветов, а отсечь голову дракона – застрелить самого тирана – императора Николая! Если мы все возьмёмся за револьверы, то не может быть, чтобы все мы промахнулись. Нас тут десять человек! Оружие купим в специализированном магазине пособника тирана Рукавишникова. Лучше взять «Кистени», у них пробивная способность выше, чем у «Клевцов», и тем более «Стилетов»². Нужно просто дождаться выезда тирана из Кремля. Он по-

² «Кистень», «Клевец», «Стилет» – модели револьверов Стальградского завода, конструкции Л.Ф. Нагана. «Кистень» стреляет патронами «9ммРу», «Клевец» – «.44 Русский», «Стилет» – «.22 Long Rifle».

что каждый день выбирается из своего логова. Первые пятеро пусть стреляют по колесам «Жигулей». Они пневматические, так что попадания даже одной пули остановит их движение. А потом все разом – залпом по кровавому Николаю. Пусть он умывается кровью, которую сам так охотно проливает!

Глава 2. Рассказывает Император Николай II

Часовые делают «на караул», и мы выезжаем из Кремля. Машина идет не более двадцати километров в час. Это не потому, что тачка не может быстрее или водитель не умеет ездить, а всего-то лишь потому, что иначе лейб-конвою за мной верхами не угнаться. Честно говоря, таскаться по Москве с черепашьей скоростью мне изрядно поднадоело! Пора бы уже Гревсу пересадить охрану на грузовички «Самара». Или даже бронетранспортёры «Вепрь». Да, на «броню» так даже солиднее будет! И штурмовой «Медведь» для комплекта! Нет, два «Медведя», причем один из них – пушечный! Вот тогда к несущемуся по улицам кортежу никто и близко не подойдёт!

Мы выезжаем через Спасские ворота. Мне захотелось посмотреть на Охотный Ряд, насладиться его гомоном, суетой. Почему-то всегда, когда я попадаю на Охотный, во мне вспыхивает что-то такое в душе... Не знаю, как сказать, но всегда ощущение такое, словно прикоснулся к чему-то забытому, родом из детства. Хотя моё детство ну никак не могло иметь касательства к Охотному Ряду. Его ведь задолго до меня того-с...

Полностью опускаю стекло дверцы. Горожане без страха подходят к медленно ползущему автомобилю, громко жела-

ют императору здоровья и долгих лет жизни. Женщины протягивают своих детей, словно для благословения. Нет, пожалуй, насчёт бронированного сопровождения я погорячился! Или опять паранойя разыгралась? Можно ведь без охраны... Или с минимальной охраной, человек десять... Народ ведь меня любит!

Вот остался позади Манеж, к которому ещё не приложил и, надеюсь, никогда и не приложит свои шаловливые ручонки «гениальный» скульптор – дитя Кавказа, и мы сворачиваем на Воздвиженку... Батюшки мои, а народищу-то, народищу!.. Нет, если так и дальше пойдёт – придётся, по методу XX века, расчищать улицы для проезда императорского кортежа. Да и безопаснее будет... Блин, опять я про безопасность!

Именно в этот момент, когда мне в голову приходит мысль о приобретённой паранойе, на улице гремит выстрел. Выстрел? Это было настолько неожиданно, что сначала я решил – это лопнула шина. Или кучер проезжающего мимо ландо щёлкнул кнутом. Но тут грохнуло ещё несколько раз – чуть ли не полдесятка стрелков торопливо освобождали барабаны своих «Кистеней». Явно не «Клевцов» – те молотят гораздо громче. Да, что же это? Покушение?!!

По кузову «Жигулей» простучали несколько пуль. Машину резко бросило вправо. Чёрт, нам что – крышушку продавили?.. И не одну – правый борт ощутимо «присел». Вот ты ж бляха-муха!.. Нас несёт боком прямо на стену до-

ма, хорошо хоть скорость невысокая и впечататься так, чтобы автомобиль в лепёшку, а пассажиры – всмятку, не выйдет. Но удар всё равно на несколько секунд вышибает из меня дух. Пока я, как вытщенная из воды щука, хватаю ртом внезапно ставший слишком плотным воздух, сзади загрелили автоматные очереди, послышался дикий казачий свист. Это лейб-конвой вступает в игру. Интересно, а я чего сижу, как контуженный? У меня ведь тоже оружие есть! В кармане мундира лежит никелированный револьвер «Стилет». Вот сейчас достану и...

Додумать я уже не успеваю. И хоть что-нибудь сделать – тоже. Дверцы «Жигулей» распахиваются одновременно с обеих сторон, и в салон влетают Шелихов и урядник Брюшкин. Они мгновенно валят меня на пол салона, и, прикрыв своими телами мою царственную особу, хором орут на водителя:

– Назад! В господа бога душу мать! Назад!

Но водила и без их криков уже сдаёт назад и на продырявленных шинах ползёт прочь, надо полагать – к Боровицким воротам. Тут по кузову щёлкает ещё несколько раз. Мне на голову сыплются мелкие осколки закалённых стёкол, тело урядника обмякает, движок «Жигулей» начинает «троить». Лязг «голых», полностью «разувшихся», стальных колёсных дисков заполняет, кажется, весь салон. Шелихов тихонько матерится, водитель громко читает молитву, только Брюшкин молчит, всё сильнее придавливая меня к полу.

Сразу за Боровицкими воротами меня наконец отпускают и позволяют сесть на сиденье. Я торопливо извлекаю из кармана револьвер, который так и норовит зацепиться курком за подкладку мундира. Но явной опасности уже нет – с пассажирского места видны только спины моих бойцов и кремлёвские стены. Тогда я вылезаю из «Жигулей» и, машинально отряхиваясь, смотрю по сторонам. Нихренаasse!!! Автомобилю здорово досталось: в правом борту почти десяток пробоин, покрышки остались где-то на Воздвиженке, в толстом лобовом стекле – пара пробоин, а более тонкие боковые стёкла отсутствуют, вернее – полностью осыпались осколками. Снятому с меня уряднику подоспевшие конвойцы уже закрывают глаза – три пули, предназначавшиеся мне, Брюшкин принял на себя. Ого! А у меня-то, у меня!.. В фуражке зияет дыра – точно над переносицей! Парой сантиметров ниже – и пораскинул бы я мозгами!

– Любимый! ЛЮ-БИ-МЫЙ!! – к машине вихрем несётся, наплевав на все условности, Татьяна.

Подлетев к машине, она вцепляется в меня и начинает тормозить и ощупывать:

– Ты ранен? Скажи, где у тебя болит? Что они с тобой сделали? Кто это сделал?!

Неожиданно, её взгляд натывается на труп Брюшкина. Она расширенными глазами смотрит на кровавую лужу, натёкшую из-под тела урядника, бледнеет и начинает медленно оседать. Я подхватываю её:

– Родная, всё хорошо. Умоляю тебя, не волнуйся! Всё уже хорошо!

Одновременно я ухитряюсь прошипеть в сторону Егора:

– Какая сука сообщила ей о покушении? Отыщу – семь лет лечиться будет! И не вылечится!..

К вечеру всё наконец успокаивается. Командующий Московским военным округом генерал-лейтенант Келлер отменяет введённое в суматохе военное положение; начальник моей личной охраны, генерал-майор Гревс переводит Кремль наконец с чрезвычайного режима охраны на усиленный, а ведомство Васильчикова уже приступило к работе с захваченными на месте засады. Живьём удалось взять троих. Интересно, кто на сей раз постарался? Хронокаратели, англичане, недорезанные анархисты-социалисты?

Нет, всё-таки правильно я утром придумал: мой кортеж теперь будет ездить по городу только на броневиках! А с любящим меня народом буду общаться только в лице его представителей – пропущенных через тройной «фильтр» «лучших людей» города и страны. Да и то – лишь по большим церковным праздникам, в специально подготовленных помещениях, в присутствии вооружённой охраны!

Глава 3. Интерлюдия. Где-то в подвалах Кремлёвского дворца

Боль в скованных руках становится нестерпимой. И ещё этот яркий электрический свет, бьющий прямо в глаза.

– Господин Аргунов, ещё раз повторяю: перечислите всех участвовавших в подготовке и проведении покушения на государя сегодня утром.

– Я ещё раз отвечаю вам, господин следователь: я считаю этот вопрос оскорбительным. Если бы у меня не были скованы руки, я бы отвесил вам пощечину, как сделал в подобной ситуации покойный Нечаев... А пока – вот вам!

Ага! Удачно попал! Плевком в самую харю!!! А-а-а!!!

Удар обрушивается из темноты. Он оглушает и ослепляет болью. Когда сознание проясняется, тело террориста надёжно привязано широкими ремнями к стулу. К стулу? Это какая-то внушительная конструкция, больше напоминающая трон – зафиксированы не только руки на подлокотниках и ноги к опорам, но даже тело притянuto к спинке несколькими ремнями и голова зажата в подголовнике. Рядом стоит импозантный молодой мужчина в элегантном чёрном мундире конногвардейца.

– Как вы посмели меня ударить? И эти ваши негодяи-опричники – тоже били меня ногами? Я буду жаловаться!!!

– И кому, дорогой господин Аргунов, вы собираетесь жаловаться? – с иронией спросил господин в чёрном мундире. – Напишите петицию во всемирную лигу защиты сексуальных меньшинств?

– Мерзавцы!.. Палачи!.. Сатрапы!.. – Террорист попытался вырваться, но ремни держали крепко.

– Послушайте, господин Аргунов, дорогой наш Мишель, вы ведь ещё так молоды. Вы всё равно скажете нам всё. Но если нам придется прибегнуть к экстраординарным методам допроса, это очень сильно скажется на вашем здоровье. А ведь приговор будет отнюдь не мягок. В лучшем случае – каторга. В худшем – бессрочная каторга. Но даже во втором случае у вас останется надежда лет через пятнадцать-двадцать выйти на свободу, честным трудом доказав, что вы...

«Говори, говори... – подумал несостоявшийся цареубийца. – А какие слова-то знает господин опричник! «Экстраординарный» – надо же!...»

– Я не боюсь вас, господин палач. Мне не страшно умереть за свободу своего народа! У нас есть примеры. Нечаев, Желябов, Перовская, Кибальчич!

– М-да? Вы бы, милейший, ещё бы декабристов вспомнили... Ну что ж... Приступим, как говорит государь, к третьей степени устрашения... Вы знаете, дорогой Мишель, на чём вы сидите? Впрочем, откуда вам знать... Эту штуку изобрел близкий друг Его Величества – светлейший граф Рукавишников. Очень умный человек – за короткое время придумал

столько новинок, что мы, порой, даже и не знаем, как их применить. И вот этот... гм... стул – довольно простая вещь, однако настолько эффективная, что после знакомства с ним сто процентов подозреваемых дают правдивые показания. Здесь используется электрический ток. Никаких ран, никаких брызг крови. При этом дознавателю не нужны помощники, именуемые в просторечии палачами, а значит, полностью устранен человеческий фактор – допрос уже не сорвётся из-за чрезмерного усердия помощника. Степень физического воздействия на допрашиваемого варьируется в широких пределах – от лёгкой щекотки до разряда, останавливающего сердце, и управляется вот этим изящным реостатом. Извольте попробовать, господин Аргунов...

По телу террориста прошёл слабый электрический ток. Его скрючило, кишечник непроизвольно опорожнился, изо рта брызнула слюна.

– Ну как, проняло? – участливо спросил следователь. – А ведь это самый низкий уровень воздействия! Граф Рукавишников назвал своё изобретение «Машина правды» – и он не ошибся! Ну, что вы, милейший, глаза пучите? Мне вот тоже крайне неприятно с вами рядом стоять – мало того, что вы крайне мерзкий человечешко, так от вас теперь говном несёт, и если бы я заранее не побеспокоился о респираторе... Тоже, кстати, подарок графа Александра Михайловича... Он как будто заранее знал о непроизвольной дефекации подозреваемых – вот ведь умище у Его Сиятельства! Поэто-

му под вашей задницей – большая дыра в сиденье, а под ней – ведро. Но запах, запах... Из-под респиратора мой голос не так разборчив, но я постараюсь, дорогой Мишель, говорить громче. Вот так... Хорошо слышно? Продолжим? Итак, повторю свой первый вопрос: перечислите всех участвовавших в подготовке и проведении покушения на государя!

– Будьте вы прокляты! Ненавижу!!!

– Упорствуете, значит, милейший? А вот мы сейчас эту пипочку на следующее деление переставим и рубильник опустим...

Через две минуты скрюченное существо с безумными глазами и перекошенным ртом, от которого несло мочой и экскрементами, начало скороговоркой выпаливать фамилии. Не только непосредственных участников покушения, но и всех друзей, приятелей и даже случайных знакомых. Только бы этот ироничный мужчина в чёрном мундире снова не опустил рубильник...

– А вот с этого места поподробней, дорогой Мишель! Как фамилия этого вашего Жоржа и сколько времени он провёл за границей?

Через час, когда здоровенные урядники вынесли тело террориста и прибрались в допросной, а следователь торопливо дописывал шестой лист протокола, изредка, для памяти, включая запись допроса на роликовом диктофоне, произведённом на заводе Стальграда, в камеру вошёл бритый наголо человек в мундире полковника Преображенского полка.

– Ну, как успехи, поручик?

– Ваше Величество... – молодой следователь КГБ вскочил и встал по стойке «смирно». – Подозреваемый сознался во всём и назвал имена подельников! Доложил поручик Ульянов!

– Ну, не надо так по-строевому, Володя! – усмехнулся император. – Перескажи своими словами, а протокол допроса я потом сам внимательно перечитаю!

– Покушение было подготовлено и проведено довольно грамотно. Подозреваю, что ниточки тянутся к нашим заклятым «друзьям» на Британские острова – ведь ещё неделю назад группа непосредственных исполнителей теракта даже и не помышляла о покушении. Наши люди вели их – это были обычные говоруны, в основном из бывших студентов. Их не арестовали только потому, что когда они собирались в кучку, их было легче профилировать.

– Неужели снова повторяется ситуация с «дядей Вовой»? – Император задумчиво погладил бритый череп. – Сидели, шушукались по углам, а потом...

– Не совсем так, Ваше Величество! – решительно сказал Ульянов. – Неделию назад в тесный кружок этих болтунов буквально ворвался некий Жорж – бывший любовник Михаила Аргунова. Скорее всего, это Георгий Петрович Косинский, после добровольной сдачи несколько лет назад группы студентов, готовивших покушение на батюшку Вашего Величества, сбежавший за границу.

– Это не та группа, в которую входил... – Император вскинул на следователя глаза.

– Так точно, Ваше Величество! В эту самую группу входил мой брат Александр! – решительно ответил поручик Ульянов, не отводя взгляда.

– Да, помню эту историю, его тогда мой друг Александр Михайлович Рукавишников как-то отговорил «бороться с режимом»! – улыбнулся император. – Ныне Александр Ильич Ульянов – боевой офицер, ветеран лейб-гвардии Лихославльского полка, командир дивизиона самоходных бронированных орудий «Песец», недавно произведён по моему личному указу в штабс-капитаны. Замечательный человек! Но всё-таки жаль, что он предпочёл военную карьеру научной!

– Он продолжает исследования в области фармакологии, Ваше Величество! – сказал поручик Ульянов, незаметно, как ему казалось, переводя дух. – Распоряжением генерала Рукавишникова в пункте постоянной дислокации полка построена лаборатория.

– Неплохо! – кивнул император. – Но мы отвлеклись...

– Простите, Ваше Величество! Продолжаю: чем занимался Косинский за границей нам известно – вступил в кружок беглого «князя» Кропоткина. А оный кружок давно и плотно опекают англичане. И сам по себе Косинский вряд ли решился бы вернуться на Родину, истосковавшись по белым берёзкам. Его явно подготовили и послали с конкретным за-

данием. Поскольку среди ликвидированных при покушении террористов он опознан не был, то с большой долей вероятности я предполагаю: сам Косинский, сразу после вывода группы на рубеж атаки, с места теракта скрылся. По всем адресам, где сейчас может находиться этот пидорас, мною час назад посланы оперативные группы.

– Пидорас-provokator, значит. Подставил этих олухов, а сам в кусты. Так, и каким образом Косинский сумел подвигнуть «мамкиных революционеров» на подвиг?

– Косинский сразу завёл разговор о решительных действиях и предложил убить императора. То есть вас, государь! Причём, по словам Аргунова, у него был вполне чёткий план. Неплохая сумма денег на покупку оружия. И даже маршруты и время ваших поездок по Москве имелись. Здесь явно сработала вражеская агентура – нашим доморощенным болтунам такое не под силу!

– Достали альбионцы проклятые! Когда мы их агентуру выкорчем, Володя?

– Мы работаем, Ваше Величество! – Ульянов, почуяв в словах императора упрёк в плохой работе ведомства, снова принял предписанную уставом строевую стойку.

– Работайте, братья, работайте! – поощрил своего «кровавого опричника» император.

Глава 4. Рассказывает император Николай II

Началось всё с того, что после покушения моя свита настоятельно порекомендовала мне немного отдохнуть. Татьяна-Моретта с восторгом ухватилась за эту идею, а посему я вместе с семьей и небольшим конвоем сразу же после Рождества отправился в турне по России. Развеемся, людей посмотреть и Татьяну с её державой познакомить. Отдохнул, ага...

Правда, перед отъездом, я успел озадачить своё военное руководство реформой. Тех вялотекущих преобразований, идущих уже несколько лет и значительно ускоренных гражданской войной, явно недостаточно. Мы приняли новый боевой устав пехоты и перевели на обозначенные в нём штаты уже больше половины полков первой линии, но этого недостаточно! Общий уровень образования новобранцев настолько низок, что на подготовку солдат уходит в три-четыре раза больше времени, чем у наших открытых врагов и потенциальных противников. Поэтому я быстренько вогнал в ступор нового военного министра Драгомирова и нового начальника Генерального штаба Куропаткина: военная обязанность становится действительно всеобщей, безо всяких там жеребьёвок и уклонений. Особенно Драгомирова потрясла идея призыва купечества, дворян и духовенства. Робкая по-

пытка возразить, что, мол, духовенство служить не может, по причине неприятия оружия, наткнулось на жесточайшую отповедь:

– Я не до конца вас понял, любезный Михаил Иванович: Пересвет и Ослябя были не духовного звания?! И Челубея уgomонили «молитвой теплой угодникам божьим?!»³ Ничего, ничего: пусть с героев пример берут...

Взбодрив таким образом своих военных администраторов, я отбыл в двухнедельный отпуск. А что – всё как положено. По закону – двадцать восемь дней, но кто ж тебе больше двух недель даст?

Пока мы ездили по городам, всё было прекрасно. Катание с гор, рождественские балы, приёмы делегаций верно-подданных... И чёрт же меня дернул... хотя нет, не чёрт, а кто-то большой умный и сильный... В общем, кто-то меня дернул проехать по сельской местности...

Мы посетили несколько помещичьих имений, в которых, разумеется, были тишь, гладь да божья благодать! Псовая охота, давно обещанная Моретте, произвела на мою ненаглядную потрясающее впечатление. А уж когда мы с Егором швырнули её к ногам скрученного живого матерого волчару – восторгам не было конца. И вот тут-то всё и случилось...

Оказалось, что мы отъехали от имения слишком далеко, чтобы вернуться засветло. Но даром, что ли, среди охотников был император всероссийский? Я принял волевое реше-

³ А.С. Пушкин А.С. «Борис Годунов».

ние: ночуем в ближайшей деревне. Ещё в той, другой жизни, мне доводилось бывать в деревнях. Небогато, конечно, но жить можно. А всё последнее время, которое я провёл в прежнем теле, мне старательно вдалбливали: крестьяне жили при царе неплохо. Во всяком случае, лучше, чем при большевиках. И я... ну, не то что поверил, но как-то расслабился, что ли...

То, что мы увидели в деревне, не поддавалось решительно никакому описанию. Ад и Освенцим в одном флаконе! И самым страшным было то, что вот эти, насмерть замордованные, оголодавшие люди, благословляли меня за отмену выкупных платежей! О господи! А я-то, недоумок...

Дальше мне пришлось отослать Моретту и её фрейлин в спокойные места, а самому продолжить инспекционную поездку по деревням. Татьяну я отослал не зря: если бы она увидела хоть половину того кошмара, на который насмотрелся я – сидеть бы ей в нервной клинике до скончания века! Даже у меня нервы как-то не очень, а уж ей-то...

Дивным январским утром я вернулся в Кремль, прошёл в свой кабинет, сел за стол и в отчаянии обхватил голову руками. Блядь! Блядь! Блядь!!! Нет, это же надо?! А я-то, кретин, думал, что все дела, делишки и делища можно будет решать в спокойном, рабочем порядке, что основные потрясения уже позади, что... Мать моя, императрица вдовствующая!..

Из своей инспекционной поездки я вынес следующее

твёрдое убеждение: крестьянство в России вымирает. Нет, я и раньше знал, что все эти «вальсы Шуберта и хруст французской булки» были только для дворян, то есть примерно для пяти-шести процентов населения, но то, что остальное население, невзирая на отмену крепостного права, находится в положении рабов, скотины – нет, этого я решительно не предполагал! Чего стоит один только такой «миленький» фактик: доход среднего крестьянского хозяйства составляет двадцать – двадцать два рубля в год. А налоги и долги на то же хозяйство – от двадцати до сорока рублей!⁴ Блядь!!! Да как же они живут?!

Хлеб почти поголовно пекут не чистый, а с лебедой, глиной, желудями и прочими «вкусовыми добавками». Теперь до меня доходит, почему новобранцев в армии несколько месяцев просто тупо откармливают. А то они же сдохнут, пытаюсь выполнить ружейные приёмы или совершить марш-бросок...

Топлива, простых, мать вашу, дров нет! Печку топят только раз в день! Крестьяне в массе своей обносились донельзя, ходят босиком в залатанных обносках. Медицинское обслуживание? Вот эти самые, организованные городской интеллигенцией на общественных началах «земские» фельдшерско-акушерские пункты?! Не смешите меня – один ФАП на уезд, с вечными МНОГОДНЕВНЫМИ очередями «ходовков», прибывших, бывало, за сотню километров! Агрокуль-

⁴ Реальный факт.

тура? Ещё раз не смешите – даже плугов ни у кого нет, землю пахут сохой!

Однако от моего посыпания главы пеплом и всех остальных прочих прелестей покаяния особо ничего не изменится. Надо что-то делать. И немедленно...

– Егор!

Передо мной появляется Шелихов.

– Вот что, братишка: объявляю экстренное совещание! Пулей мне сюда князя Сергея, Манасеина, Бунге, Вышнеградского, графа Рукавишникова. Да, пошли кого-нибудь к Владимиру Андреевичу Долгорукову, а всего лучше – сбегай сам. Спроси его, как он себя чувствует, и если сможет – пусть тоже придёт. Если нет – передай, что соберёмся у него в кабинете.

Козырнув, Егор уносится исполнять. А мне надо собраться с силами. Сейчас прозвучит такое, и начнётся тоже такое, что как бы мне после «такого» не отречься прямо сейчас. А то вот ещё могу с лошадки упасть или грибами отравиться... Ну, да где наша не пропадала? Наша пропадала везде!..

Через полтора часа в моём кабинете собрались все вызванные. Даже Долгоруков, тяжело шагая подагрическими ногами и одышливо отдуваясь, приковылял. Увидев входящего старика, я немедленно подхожу к нему и, придерживая под локоть, аккуратно помогаю сесть в кресло. Чёрт, а ведь жить ему осталось всего ничего! Жаль, как жаль, что нельзя вот так вот, по мановению волшебной палочки, продлить

ему жизнь годков эдак на «дцать»! Где я себе такого же верного премьера найду?..

Владимир Андреевич смущённо бормочет признательные слова, но я уже за столом. Ну-с, все в сборе? Начнём, благословясь:

– Я собрал вас, господа, чтобы сообщить пренеприятнейшее известие...

У всех собравшихся, кроме Долгорукова, на лицах усмешки. Ещё бы: цитата из «Ревизора». Ох, судари вы мои... Вы и представить себе не можете, насколько всё сейчас будет не смешно!

– Крестьянство в Российской империи находится на грани вымирания. Уже сейчас примерно половина мирян находится за гранью голода и нищеты. Даже те, у кого есть лошадь или рабочий вол используют землю самым примитивным, варварским способом. В деревнях свирепствуют заболевания, безграмотность не поддаётся описанию. А что будет, если в этот или следующий год случится недород? Если уже сейчас, в урожайный год чуть ли не половина крестьян вынуждена побираться, чтобы хоть как-то прожить до весны?

– Но мы же выдавали продовольствие из государственных запасов! – возражает Димыч. – Да, перед этим урожайным годом было три подряд неурожайных!⁵ Но мы ведь готови-

⁵ Совершенно реальный факт! И даже в реальной истории государство раздавало голодающим крестьянам зерно. Но, к сожалению, досталось не всем или в

лись к этому событию, сделали запасы...

– Да, мы подготовились, да, на этот раз смертность была ниже, но она всё равно БЫЛА!!!

Его сиятельство граф Рукавишников отводит глаза. Хотя как раз его вина в этом минимальная – он за свой счёт построил в Поволжье десятки элеваторов, на которых несколько лет копил зерно, обладая послезнанием, что продовольственный кризис из-за многолетнего неурожая обязательно случится.

Собравшиеся молчат, пока не понимая, куда я клоню.

– Серж, можно задать тебе один вопрос?

– Конечно, государь. Я постараюсь ответить...

Васильчиков преданно смотрит на меня. Противно его огорчать, но что я могу сделать?

– Насколько я знаю, дорогой мой друг, ты самый-пресамый крупный землевладелец нашей благословенной империи⁶... Скажи мне, пожалуйста: сколько ты платишь налога

незначительном количестве. По некоторым косвенным данным (прямой статистики нет) в тот период от голода умерло от 15 до 25 процентов жителей деревень в средней полосе России. И среди малолетних детей (от 0 до 3 лет) смертность была стопроцентной.

⁶ Совершенно реальный факт. Князь Сергей Илларионович Васильчиков занимал первое место по площади земельных угодий в Российской империи с большим (почти в два раза) отрывом от второго места и последующих. При этом императорская семья вкупе (император и все великие князья вместе с жёнами и детьми) находились на 10-м месте, хотя десятилетиями позже советская пропаганда называла именно царскую семью главными помещиками России. У князя Васильчикова в личной собственности находилось 27 тысяч десятин из 430 тысяч, записанных в общий реестр государства! То есть – почти пять процентов от

со своих земельных угодий?

Задумавшись на мгновение, председатель КГБ рапортует, оговорившись, правда, что это – приблизительная цифра.

– Так, замечательно. Если разделить эту сумму на двадцать семь тысяч – ведь у тебя примерно столько? – Сергей кивает. – Получим налог на одну десятину, так, господа министры?

Собравшиеся с недоумением соглашаются.

– В таком случае, я попрошу вас, господин Вышнеградский, как министра финансов ответить мне на простенький такой вопросик: это как так получается, что у Сереги... прошу прощения, у князя Васильчикова, налог на одну десятину в ДВА РАЗА ниже, чем у крестьянина?! Пока отвечает Вышнеградский, господину Манасеину приготовиться. Предложения, как министра юстиции, по изменению создавшегося идиотского положения!

Васильчиков сидит, точно громом пораженный. Бунге ожесточённо черкает что-то в записной книжке, Манасеин глядит куда-то в пространство. А Долгорукова и вовсе – того и гляди удар хватит. Только Димыч смотрит на меня с каким-то новым интересом, уже, кажется, начиная догадываться, что будет дальше.

Вышнеградский начинает путанно объяснять что-то про

всей поставленной на учёт земли (конечно же, в России гораздо больше земли, чем 430 десятин, но в тот момент именно такое количество состояло на государственном кадастровом учете).

укоренившиеся обычаи, про несовершенство системы налогообложения, про необходимость поддержать крупных производителей... Я прерываю его жестом и обращаюсь к Васильчикову:

– Серж, скажи честно: тебе важнее сохранить свои прибыли или же чтобы крестьяне пересталидохнуть с голоду?

Князь решительно встаёт:

– Государь! Если будет нужно для державы, я готов отдать свои земли в казну. Все! Я – не помещик, я – председатель Комитета Государственной Безопасности, и как вы, государь, неоднократно упоминали – защита порядка и опора трона! Для того чтобы прокормить голодающих – берите весь урожай с моих земель, государь! Я – слуга царю и народу!

– Если нужно – и мои урожаи заберите, батюшка! – вступает вдруг Долгоруков. – Слава богу – тоже не обнищаю. А ещё я могу...

Манасеин, Бунге и Вышнеградский всем своим видом показывают, что и они готовы принять деятельное участие в спасении голодающих. Вот тоже мне – союз меча и орала! Ну, надо бы охладить их пыл. А то вон уже Димыч саркастически улыбается...

Я подхожу к Васильчикову, обнимаю его за плечи:

– Спасибо, Серж! Я не ждал от тебя ничего другого. И вам, Владимир Андреевич, глубокая моя признательность. Но вы неправильно поняли меня, друзья мои. Я не прошу от вас жертв. Я хочу, чтобы была восстановлена справедливость!

Я достаю исчерканные поправками листки с тезисами программы, набросанной мной ещё в дороге, по горячим, так сказать, следам. Как говорил на прошлогодних майских посиделках на моей «Ближней даче» бывший член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь обкома Ленинградской области Григорий Васильевич Романов (он же ныне – мой родной дядя – великий князь Павел Александрович), послезнание только помогает нам предвидеть негативные последствия того или иного шага, но верных рецептов дать не может. А вопрос сельского хозяйства не имел какого-либо положительного решения в нашей стране за всю её историю!

Это значит, что отдуваться, придумывая новый путь обустройства России, придется мне! Эх, ну понеслась...

Через двадцать минут мои министры наконец понимают, чего я хочу конкретно. И повисает долгая пауза.

Как говорила одна моя знакомая в той, иной жизни, «от драматической паузы Станиславского до фразы: «Взвод, пли!» – иногда очень маленькая дистанция». И теперь я лишний раз убеждаюсь в её правоте...

– Гхм... Государь, если вы позволите старику высказаться, – начинает Долгоруков – то боюсь, что попытка исполнить ваше м-м-м... требование может привести к ужасным последствиям. Возможны бунты... э-э-э... я хотел сказать – заговоры. Так сказать, комплоты...

– Новое тайное общество, как шестьдесят пять лет тому

назад!⁷ – бухает со всей прямою Манасеин. – И нет никакой гарантии, что его удастся подавить так же легко...

– Ну, это уже не ваша забота, любезнейший Николай Авксентьевич, – едко вворачивает Васильчиков. – Заговорщиков мы удавим – как два пальца об асфальт, государь!

– Государь, – это включается Вышнеградский, – я, разумеется, понимаю, что прогрессивный налог на пахотную землю – вещь совершенно правильная и закономерная. Но, как совершенно правильно отметил его светлость, введение такого налога чревато самыми фатальными последствиями...

– А я – полностью поддерживаю вас, государь! – Николай Христианович Бунге поднялся и теперь вещает, точно с трибуны. – Прогрессивный налог на землю, во-первых, и законодательная регламентация отношений между помещиками-работодателями и крестьянами-работниками, во-вторых – могут спасти Россию от крестьянского бунта, «бессмысленного и беспощадного»!

Николай Христианович оседлал своего любимого конька и мчится вперёд «аллюром три креста»! Он довольно уверенно читает всем нам получасовую лекцию о необходимости создания сельскохозяйственных инспекций по типу фабричных, об усилении работы с аграриями, о совершенствовании образования среди сельскохозяйственного населения. У меня появляется стойкое ощущение, что Бунге, похоже, уже прикидывал что-то подобное, и теперь выдаёт нам «до-

⁷ Манасеин намекает на восстание декабристов.

машинную заготовку»...

– Ну а ты что скажешь, солнце русской промышленности, начальник департамента науки и техники, светлейший граф? – обращаюсь я к Димычу.

– Мне кажется, что Ваше Величество несколько перегибает палку... – осторожно начинает Рукавишников. – Всё ли так плохо, как вы сказали? Ну, то есть заскоки, разумеется, у нас были – спорить не стану. Но они решаются в рабочем порядке. Не думаю, что нужно вот так резко, буквально об колено, ломать сложившуюся систему, чтобы начать на пустом месте социальный эксперимент!

Ага, Димыч тоже помнит прошлогоднее высказывание «Романова-два-в-одном» – насчёт того, что в истории России не было положительного решения проблемы сельского хозяйства, называвшегося при Советской власти «чёрной дырой» – деньги туда вбухивались огромные, а «выхлоп» от миллиардных вложений был околонулевой. А местами и отрицательный – деревня продолжала нищать, работники массово уезжали в города. Вот, примерно, как сейчас...

– Ты разве не помнишь, государь, чем такой эксперимент закончился в прошлый раз? – подчеркнув голосом слово «прошлый», говорит Рукавишников.

Министры смотрят на светлейшего графа с немалым изумлением, явно пытаясь припомнить, когда именно произошёл этот самый «прошлый раз».

– Может, нам для начала закончить реформировать про-

мышленность, окончательно решить все проблемы пролетариата, построить инфраструктурную сеть хотя бы в европейской части страны, а уж потом кидаться грудью на амбразуру? – убаюканный моим молчанием, уже более решительно предлагает Рукавишников.

Эх, Димыч, это я только с виду спокоен, а внутри уже начал закипать...

– В промышленности у нас сейчас настоящий бум, строительство Транссиба и более мелких железных дорог идёт полным ходом, продовольствия для рабочих и строителей требуется всё больше и больше, а значит, это может привести к развитию крестьянских хозяйств и...

Я не выдерживаю и вскакиваю со стула.

– В промышленности бум, говоришь, взводный? А скажи-ка мне, великий изобретатель технических новинок: сколько сейчас бурлаков на Волге трудится?

– Я думаю – не очень много... – узнав мой тон, которым я обычно раздаю команды под обстрелом, Димыч разом теряет весь свой уверенный вид. – В конце концов, у нас хорошо развит речной транспорт, на верфях Стальграда и Сормово постоянно строятся новые пароходы...

– Ты не крути, промышленник-миллионер, а толком говори: знаешь или нет?! – продолжаю напирать я.

– Ну... – Димыч явно не знает точной цифры, но его аналитический ум сейчас работает в усиленном режиме, пытаюсь нащупать правильный ответ на основе известных стати-

стических данных: сравнивает количество пароходов, паровых буксиров, несамоходных барж и... прочего. Память у моего друга отличная, соображалка тоже замечательно работает, но... – Полагаю, тысяч десять – пятнадцать...

Выстрел в «молоко»!!!

– А полтораста тысяч не хочешь? Да половину твоих грузов на бурлаках таскают, прогрессивный ты наш!

– Гонишь! – Ошарашенный Димыч забыл про политес при посторонних.

– Хер там! – Я тоже не очень соблюдаю вежливость. – В натуре полтораста! И это ведь выходцы из самых низов крестьянства.

– Ебать-колотить! – Димыч выпучивает глаза. – Уел, блин! Неужели настолько всё плохо?

– На самом деле ещё хуже!!! На-ка вот, попробуй... – я достаю из ящика стола завернутый в кусок чистого холста «артефакт», добытый на просторах России.

Димон медленно, словно я подсунул ему самодельное взрывное устройство, разворачивает тряпицу и начинает озадаченно вертеть в руках кусок иссиня-чёрного, тяжёлого и колкого хлеба.

– Что это?

– Крестьянский хлеб! Ты попробуй, попробуй! – рекомендую я.

– Не отравлюсь? – Он пробует, несколько секунд катает крошки во рту, потом сплёвывает. – Тьфу! Гадость какая!

Горький...

– Полагаю, братишка, что блокадный хлебушек был таким же! – Я говорю сейчас только для своего друга, не обращая внимания на вытянутые от удивления лица своих министров – есть с чего им малость прихусть: что это ещё за блокадный хлебушек упоминает император? – Этот хлеб русские крестьяне едят ежедневно. И сами едят, и детишек своих кормят... А горький он оттого, что на треть – из лебеды...

– Ну? Так ведь что в деревне, что на фабрике – есть и дураки, и лентяи и неумехи... Думаешь, у меня в Стальграде все жируют? Хренушки! Как поработаешь – так и полопаешь...

Ай, молодец! Экономист! Правда, сейчас я его теорию слегка подкорректирую:

– Этот хлеб испечён в семье, у которой четыре рабочих лошади! Четыре – понял?!!

Димка непонимающе пялится на меня:

– А зачем же они тогда такое говно жрут?

– А затем, что по-другому – не выживут! Понял, ты, – экономист хренов? Забыл, с чего я сегодняшний разговор начал? Кстати, всех касается, господа министры: вспоминайте!

– С налога на землю, Ваше Величество! – мгновенно выдаёт Бунге.

– Ошибаетесь! Я потребовал справедливости!

Наконец через два часа обсуждения мы разрабатываем проект императорского указа: вводится прогрессивный на-

лог на пахотную землю, монастырские владения облагаются налогом на общих основаниях. Бунге за неделю должен разработать схему создания крестьянских комитетов, в обязанность которых вменяется отслеживание взаимоотношений в части оплаты и продолжительности рабочего дня в сельском хозяйстве. Вышнеградский должен представить обшчёт прибыли государства от всего этого и рассчитать: какую долю прибыли мы можем потратить на помощь крестьянам без ущерба для себя...

– Благодарю вас, господа! – Я пожимаю руки всем присутствующим и провожаю их до дверей.

У самой двери я чуть-чуть придерживаю Васильчикова. Понимающе кивнув, тот замедляет шаг:

– Государь?..

– Вот что, Сергей... Предупреди своих сотрудников, что после крупных землевладельцев очень скоро наступит очередь оптовых хлеботорговцев, спекулянтов-перекупщиков и деревенских кулаков. Будем потрошить. Скорее всего – всех. Пусть твои парни подготовятся.

Вроде бы ушедший вперёд Димыч, явно услышав мою последнюю фразу, резко разворачивается и подходит ко мне.

– Ваше императорское величество, прошу о немедленной приватной аудиенции! – максимально официальным тоном говорит граф Рукавишников.

– Прошу вас, светлейший граф! – тоже официально отвечаю я, пропуская Димыча в кабинет. – Серж, больше не за-

держиваю! Ступай! Помни, что я тебе сказал!

Когда мы остаёмся вдвоём, Димыч буквально взрывается:
– Да ты соображаешь, что творишь, твоё велико?!! Кулак ведь – основа фермерских хозяйств! Это ж готовый фермер! Ты крепких хозяев в Сибирь погонишь?!! – прямо-таки кипит праведным негодованием Димка. – Нечего сказать, хорошо ты к крестьянам относишься...

– Правда? – переспрашиваю я елеинным голосом. – Можно узнать, откуда ты почерпнул столь мудрые сведения?

– Какие?!!

– Ну, про то, что кулак – крепкий хозяин, что он – готовый фермер...

– Как это «откуда»?!! Да все знают!!!

– М-да? Ну, в таком случае позволь тебя познакомить с двумя людьми, которые этого не знают.

Я слегка кланяюсь:

– Это вот – первый. А вот, – швыряю в него томиком словаря Даля, – вот и второй. Почитай-ка, кто такой кулак. Вслух, твоё сиятельство, вслух!

Димыч недоверчиво открывает словарь, находит нужное место:

– Кулак – перекупщик, переторговщик, маклак, прасол, сводчик, особенно в хлебной торговле на базарах и пристанях... Так ты что – в этом смысле?

– А других смыслов в настоящий момент нет! Так-то вот, граф...

Рукавишников озадаченно чешет в затылке:

– Да, Олегыч... Звиняй – погорячился. Слушай, а чего ты так рьяно за земельную реформу взялся? У нас дел – и так невпроворот, а ты ещё и этот хомут на себя взвалил...

– Дел, говоришь, невпроворот? – Я вытаскиваю из стола свои «путевые заметки». – Глянь вот на эту цифру!

– Что это? – недоумевает Димыч.

– Один земский доктор, настоящий энтузиаст-бессребренник, передал мне статистические данные, которые почти десять лет собирал в своём уезде. Вот эта цифра – детская смертность!

– Девяносто процентов? – На светлейшего графа Рукавишникова больно смотреть. – Это точные данные?

– Точнее не бывает!

– Но это же по одному уезду... – пытается хоть как-то смягчить свой шок Димыч.

– В других уездах ситуация аналогичная, не сомневайся! Плюс-минус пара процентов. Это истинная правда, братишка: из десяти младенцев до четырёх-пяти лет доживает только один!⁸

– Твою мать! – выдыхает Димыч. – С этим надо что-то делать!

– Так а про что я битых три часа талдычил? Нет време-

⁸ Абсолютно реальная статистика – именно так страшно дела и обстояли. Так чего удивляться тому факту, что крестьяне массово поддержали революцию и с упоением громили усадьбы помещиков?

ни ждать, пока ты промышленность поднимешь на достаточную высоту! Население России вымирает, спасать надо немедленно!!!

– Что ты предлагаешь? Вот прямо сейчас? – вдруг твёрдо сказал Димыч, глядя мне в глаза. – Уже понятно, что Земельная реформа – мероприятие не на один год. Да и принесёт ли она сразу всем счастье и процветание – большой вопрос. Недаром при советской власти сельское хозяйство «чёрной дырой» называли – туда можно миллиарды вбухать, а оттуда – шиш! Как спасать? Раздать крестьянам все наши наличные запасы продовольствия? Чтобы они наконец досыта поели? Один раз...

– Не сыпь мне соль на раны, Димыч! – Я устало рухнул в кресло. – Сам знаю, что всех голодных не накормить. Или, вернее, накормить можно, но ты правильно сказал – всего один раз. На большее наших стратегических запасов не хватит. А ведь у нас ещё и война на носу... Эх!

– Реально можно накормить САМЫХ голодных! – после долгой паузы, явно что-то посчитав в уме, сказал светлейший граф. – Устроить эдакую продразвёрстку наоборот! Но тут один тонкий момент: кто будет составлять списки этих самых-самых голодных? Доверить это местным кадрам? Так передерутся в попытках раздать господдержку своим родственникам и друзьям, а не «самым голодным». Скажешь, не так?

– Учредить институт государственных комиссаров! – по-

думав, предложил я. – Набрать молодых офицеров из «конторы» Васильчикова! Пусть они прямо сейчас, зимой, прокатятся по стране, составят списки нуждающихся. А то ведь, боюсь, не одна сотня тысяч людей не доживёт до весны, причём в основном это будут маленькие дети.

– Слушай-ка, Олегыч, а ведь можно совместить полезное с... – Рукавишников глядел куда-то сквозь меня, прокручивая в голове какие-то варианты. – Раз поедут твои «опричники», можно будет возложить на них ещё пару ответственных функций. В том числе сделать так, что данное мероприятие станет самоокупаемым!

– Это как? – оторопел я, представив, что взамен выдаваемого государством хлеба, офицеры КГБ будут что-то забирать. К примеру, детей для работы на заводах и фабриках. Но нет – вряд ли Димка предложит такое, наверняка он нечто более хитрое придумал. – Давай колись, капиталист, чем ты нас осчастливишь!

– Предлагаю назвать операцию «Зимняя гроза». А поступим мы, стало быть, так... – медленно произнёс светлейший граф.

Глава 5. Интерлюдия. Где-то в Пензенской губернии

Платон Николаевич Чегодаев – помещик средней руки Сердобского уезда Пензенской губернии изволил завтракать. Он не торопясь намазывал свежайшее сливочное масло с собственной маслобойки на кусок ещё тёплого кипейно-белого, пышного каравая, укладывал сверху добрый кусок прозрачно-розовой ветчины, с удовлетворением озира́л получившееся истинное произведение искусства и со смаком откусывал. Наполовину прожевав, шумно отхлёбывал из громадной чашки чай с сахаром, ромом и сливками и жмурился от удовольствия. Покончив с одним куском, он отрезал новый и всё повторялось.

Его супруга, Анна Петровна Чегодаева, сидела напротив него и любовалась мужем. Сама Анна Петровна полагала ветчину с утра пищей тяжеловатой, а потому ограничилась лишь яичницей из пяти яиц, тёртой редькой, холодной телятиной, малиновым вареньем и несколькими «бутербродами», как она именовала хлеб с маслом на заграничный манер. Чай Анна Петровна не любила и потому маленькими глоточками отхлебывала ароматный «мокко», который был также изрядно сдобрен сливками и сахаром.

Приехавший к Чегодаевым на рождественскую вакацию племянник-студент, учившийся в Казанском университете

на юридическом факультете, ещё спал. Вчера он гулял допоздна по деревне и, по рассказам прислуги, вернулся домой только под утро. Платон Николаевич догадывался, что побудило Митеньку – так звали племянника – столь припоздниться. Наверняка мальчишка подыскал себе какую-нибудь деревенскую Сильфиду или Психею. Правда, сейчас деревенские наяды стали менее сговорчивы: за подобные услуги возьмут никак не меньше двух рублей. Впрочем, Митеньке грех жаловаться: в самый день приезда, Платон Николаевич презентовал Митеньке двадцать пять рубликов. Дело-то молодое. Раньше, лет пятнадцать назад, ещё до знакомства с Анной Петровной... Эх, бывало...

Но тут, со сладких воспоминаний, мысли Платона Николаевича оборотились к делам сегодняшним, невесёлым. Мужички-то в конец зазнались. Обнаглели. Хамы... Не далее как прошлым летом, Платон Николаевич затеял с соседями псовую охоту. Потравить русаков. И что б вы думали? Трое из этих наглых мужиков посмели подать жалобу на потраву полей! Можете себе представить?! Мужичьё – на своего барина – жалобу?! Разумеется, исправник отказался рассматривать эту «петицию» – ещё бы! Он и сам принимал участие в той злосчастной охоте. Выгнал жалобщиков взашей – и вся недолга! Земский начальник, добрый приятель и сосед Платона Николаевича, Алексей Петрович Дриндинский тоже прогнал хамов, пригрозив посадить в холодную. Но какие мерзавцы?! Платон Николаевич желчно усмехнулся: вот

вам и последствия отмены телесных наказаний! Не пороты давно – вот и зазнались! И ведь это ещё – цветочки, а ягодки, надо полагать, только ожидаются!..

Платон Николаевич зябко передёрнул плечами. Четыре года назад, когда после кончины императора произошла смута, в соседнем уезде полыхнули два имения. И если бы не прибывшие из губернского города воинские команды – неизвестно что случилось бы в соседних уездах. В том числе – и в его родном, Сердобском...

Платон Николаевич сокрушённо покачал головой. Нет, не будет порядка при новом императоре, не будет... Он молод, полон всяческих «идей», и хотя премьером при нём стал многоуважаемый и многомудрый Долгоруков, но... Смогут ли старец, пусть уважаемый, много поживший и много повидавший удержать в руках молодца, которому едва-едва минуло двадцать лет?

Правда, уездный предводитель, побывавший на коронационных торжествах в Москве, рассказывал, что у Николая имеются более старшие фавориты, которые, бесспорно, могут и должны правильно повлиять на юного правителя. Кто-то из них, должно быть, порекомендовал императору не церемониться с полячишками, остзейцами и прочими чухонцами. И совершенно верно порекомендовал, между прочим! Давно пора было приструнить этих бунтарей. Может, этот же умница порекомендует государю и крестьян покрепче в узду взять? Хорошо бы, да только когда это ещё будет?..

Вот пока отменили выкупные платежи. А к чему, спрашивается? Ведь это же прямой убыток казне. И вот вам, пожалуйста! Этой зимой начали пересчитывать налог с помещиков! Платон Николаевич тяжело вздохнул. Кто, ну кто мог присоветовать молодому царю так жестоко обойтись с дворянством – вернейшей и главнейшей опорой трона?! Когда об этом только узнали, в уездном дворянском собрании было решено: новый налог пока не уплачивать, а послать в Петербург петицию. Составляли её все вместе, особо упирая на то, что Сердобский уезд – не самый хлебородный в России и что перерасчёт налога нанесет сильный удар по итак пошатнувшемуся благосостоянию помещиков. В самом деле: ещё покойный батюшка, Николай Аристидович Чегодаев держал только под выезд шесть троек, не считая верховых, а свора была – уж никак не менее сотни. А что сейчас? Платон Николаевич грустно вздохнул. Каких-то жалких две тройки, да рысак под двуколку. Верховых – всего шесть. Ну, правда, четверо – английские жеребцы, но разве этого достаточно для светского человека? А свора? Несчастных двадцать три собаки, а из них разве половина в дело годится. Да и то сказать, чем кормить-то свору? Так, запаренная пшеница в молоке, а мяса – раз, много – два раза в неделю. Да разве ж это – свора?..

Должно быть, последние слова Платон Николаевич произнёс вслух, потому что Анна Петровна встала, обошла стол и под села к мужу на подлокотник кресла:

– Представляешь, друг мой, вот если бы император посетил нас, лично, и увидел бы, насколько скудно мы живём? Должно быть, он видел только богатых – где же ему знать о наших бедах? Вот сколько мы уже с тобой в Баден собираемся?

– Да уже три года, как собираемся и всё никак не соберёмся. Всё денег никак не хватает... Ах, мой дружок, как было бы хорошо, если бы, ну, пусть не сам император, но хотя бы кто-то близкий к нему, увидел бы – в каких невыносимых условиях мы вынуждены существовать! Если бы он доложил в столице – уверен, император бы не остался глух к стонам несчастного дворянства!..

Чегодаевы замечтались. Приезд императора с супругой – всем известно, что молодой Николай влюблён и никуда не ездит без своей императрицы – вот был бы подарок! Ах, если бы хоть на день, на час, на минуточку! Разумеется, в столице у правящей четы отменные повара, но уж тут и Чегодаевы не ударили бы в грязь лицом! Анна Петровна готовит удивительное фрикасе из молодых гусенят, а Платон Петрович уж расстарался бы и добыл десяток рябчиков! И потом: разве сравнятся продукты, везомые иной раз и за сто, и за двести, и даже за тыщу верст с теми, что только что сорваны, забиты, сняты? А на свежем воздухе-то... А в вечеру можно бы устроить фейерверк, иллюминацию из смоляных бочек и, даже, бал... Пригнать крестьянских девок, дать по три-пять копеек – да таких песен и в Москве-столице не сыскать! Вот

если бы император приехал...

– Барин! – в дверях возник казачок. – Барин! Скачет кто-то...

Чегодаевы очнулись. Действительно, в окно было видно, как далеко-далеко, на самом горизонте вьётся облачко снежной пыли – погода который день была сухой и морозной. Должно быть, к ним ехали верховые...

– Платон Николаевич, а кто бы это мог быть?

– Вот уж и не знаю, друг мой... Теряюсь в догадках. Исправник? Так он третьего дня заезжал. Кто-то из соседей? И с чего бы верхами?

Анна Петровна вдруг вздрогнула, зябко повела плечами и поплотнее закуталась в шаль:

– Не спокойно мне что-то, Платон Николаевич... Не случилось ли чего?

– Да что ты, матушка моя? Что ты всполошилась? Ну что же у нас случиться может?

Анна Петровна часто-часто заморгала глазами:

– Платоша... А вдруг – война?

– Так что же? Ну, не призовут же меня, в самом деле. Да я и не служил никогда!

– А Митеньку?

– Полно, матушка! Да ты уж совсем ошалела! Да с чего ж Митеньку-то, когда он – студент! Да и с чего бы войны бояться? Цены на зерно да кожи поднимутся. Может, тогда в следующем году – махнем всё же, в Баден...

... Через полчаса во двор чегодаевского имения въехали полдесятка казаков с молодым офицером во главе. Платон Николаевич и Анна Петровна были приятно удивлены: нечасто встретишь в этой глуши нового человека. Судя по тому, как держал себя молодой офицер – известия у него были не срочные: не бунт, не война, не эпидемия холеры или оспы. А раз так – значит, можно будет узнать разные новости и вообще, познакомиться...

– Штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка фон Смиттен, – отрекомендовался вошедший офицер.

– Очень, очень рад! Позвольте представиться: Чегодаев Платон Николаевич, здешний помещик. Супруга моя, Анна Петровна. Чему обязаны столь приятным визитом?

Фон Смиттен протянул Платону Николаевичу сложенный вчетверо лист гербовой бумаги. Чегодаев развернул его и начал читать:

Податель сего, лейб-гвардии штабс-капитан фон Смиттен Денис Алексеевич, государственный комиссар Управления Комитета Государственной Безопасности при Совете Министров Российской Империи. Всем военным, военно-морским, полицейским и гражданским властям предписывается оказывать ему полное содействие, в соответствии с потребностями служебной необходимости.

Платон Николаевич перевёл дух: столичный гвардеец был, несмотря на молодость, – не старше двадцати пяти лет, персоной весьма значительной. Ещё бы: на удостоверении

была приклеена, прошнурована и опечатана фотографическая карточка Дениса Алексеевича, а ниже стояли подписи, да какие! Первой шла подпись князя Васильчикова – председателя КГБ, генерала свиты, кавалера ордена Андрея Первозванного. Хватило бы и её, но ниже стояло размашистое. *Утверждаю. Николай.*

Платон Николаевич приятно покраснел, подумав про себя: «Вот как оно бывает! Помыслишь – так оно и в руку!» – и стал приглашать гостя за стол.

Фон Смиттен не отнекивался. Он с аппетитом плотно закусил, попутно рассказав, что уже вторые сутки в седле. Анна Петровна всплеснула руками и бросилась на кухню отдавать распоряжения. Платон Николаевич же обратился к фон Смиттену:

– Вы как хотите, голубчик Денис Алексеевич, а мы вас сегодня никуда не отпустим! Сейчас Анна Петровна насчёт обеда распорядится, баньку затопить велит. Ваших казачков в людской покормят, не извольте беспокоиться. Вы, голубчик, как насчёт баньки?

Фон Смиттен ответил, что банька – дело хорошее, но – увы, дела службы в первую очередь. Помянув про себя недобрым словом педантичных немцев, что готовы всё извратить на Святой Руси, Чегодаев вслух пожалел, что молодой офицер-измайловец не сможет насладиться банькой и парой-тройкой крестьянских девок, которые «уж попарят так попарят!», и дождавшись, когда гость, насытившись,

закурил тонкую сигару (угостив предварительно хозяина), приступил к плану, разработанному вместе с Анной Петровной.

В двух-трёх ёмких фразах Платон Николаевич очень четко обрисовал гостю все тяготы помещичьей жизни, рассказал о крестьянах, которые наглеют с каждым днём, и, наконец, заискивающе улыбаясь, приступил к главному:

– Ах, любезный Денис Алексеевич. Если бы кто-то смог рассказать государю-императору о том, как стеснённо мы здесь живём, каким тяготам подвергаемся. Нет, вы, пожалуйста, не подумайте, что мы ропщем – разумеется, из столицы виднее, да и головы там – не чета нашим, но... Ну, вот посудите сами: как же я, например, смогу заплатить новый налог? Ведь вы даже представить себе не можете, сколько мне наверстали землемеры! Получается, что после уплаты налога я остаюсь совершенно без средств к существованию. После такого, с позволения сказать, налога, мы с супругой получим от продажи продуктов нашего хозяйства каких-то жалких пять-десять тысяч рублей! В год, представьте себе! И как мы можем прожить на эти деньги? Как, объясните мне?!

Фон Смиттен сидел и слушал очередного негодяя, готового заморить голодом всех окрестных крестьян, оставив ровно столько, чтобы обрабатывали его землю или парили его в баньке! В голове Дениса уже мутилось от ненависти: государь знал, что делал, когда посоветовал князю Васильчикову назначить государственными комиссарами молодых и горя-

чих офицеров. Штабс-капитан насмотрелся на хлеб с лебедой, на удивительные лохмотья, из которых шьют лоскутные одеяла, на отощавшую скотину, которой зимой скармливают солому с крыш её же хлебов. На детей, которым кусок обычного, без примесей, хлеба дают по праздникам, вместо лакомства. Денис нахлебался пустых щей, подбеленных для сытости обратом, от которых в животе делается атака бронепоезда «Железняк» на позиции гайлендеров, накормил клопов в грязных, вонючих избах, намерзся всласть, потому что дрова – барские, а купить их не на что! И вот теперь очередной слизняк, сволочь, тварь вещает фон Смиттену о трудностях своего житья, о том, что налог развёрстан неверно и что дворяне – основа государства.

В конце своей патетической речи «оратор», как обычно, намекнул на то, что помощь в этом деле не останется без награды. Фон Смиттен гордо кивнул, вслух пообещал попробовать... Именно этому – грамотно взять «на лапу», будущих комиссаров учили перед операцией «Зимняя гроза». По замыслу командования взятки должны были окупить расходы на выдачу продовольствия голодающим крестьянам.

«Ну-ну-ну, сколько-сколько-сколько? Всего тысяча? Не густо, не густо... – подумал Денис фон Смиттен. – А и ладно! И так уже почти пятьдесят тысяч собрал. Будет что передать в казну операции. Могу себе представить рожу этого «Собакевича», когда к нему явятся мои коллеги из губернского КГБ. Ему всё припомнят. И он будет ещё бога молить,

если ему какую-никакую работу до Урала найдут. А то ведь с такими замашками и на Транссиб недолго! Так, ну хватит. Пора прощаться. Во-первых, хочется свежего воздуха после этого гадюшника глотнуть, а во-вторых, мне ещё сегодня минимум троих объехать надо. Сбор средств в пользу крестьянского населения продолжается!»»

Глава 6. Рассказывает председатель КГБ князь Васильчиков

Этот не по-зимнему тёплый январский день выдался неожиданно спокойным. И беспокойным одновременно. В столицу прибыл Наместник Великого княжества Финляндского генерал-фельдмаршал Гейден. Фёдор Логгинович представлял государю доклад о положении дел на вверенной его заботам территории, а потом мы решили встретиться с ним уже, так сказать, приватно, дабы обсудить некоторые моменты, касающиеся в основном моей службы. И вот под вечер, в очередной раз убедившись, что меня не ожидают какие-нибудь экстренные призывы о помощи, ответ на которые надо было давать, по меткому определению государя, ещё вчера, я запер в сейф несколько папок, опечатал кабинет, приказал адъютанту позвонить на пульт, чтобы включили систему сигнализации в моём кабинете и вышел из здания «конторы». Не знаю почему, но с недавних пор государь именно так окрестил здания бывшего Златоустовского монастыря. Название, как ни странно, прилепилось накрепко, прижилось, и теперь никого в нашем ведомстве уже не удивит приказ, навроде: «Немедленно, по получении сего, прибыть в контору, в третий стол, Второго главного управления...»

Автомобиль уже ожидал, но мне неожиданно так захоте-

лось прогуляться пешком! Благо и идти не далеко – на угол Волхонки и Всехсвятского проезда. Там государем Фёдором Логгиновичу особняк выделен, на то время, пока господин Наместник в столице пребывать соизволяет. Или даже подарен, я как-то не удосужился поинтересоваться. Генерал Гейден – один из тех, кто за нашего императора в огонь и в воду пойдёт! За ним даже следить как-то не *comme il faut*⁹. Так только, слегка, чтобы уж совсем не расслабляться...

Я подхожу к особняку с синими стенами... Ого! У подъезда целых три автомобиля «Жигули»! Один из них – мой, но неужели государь выделил старику два авто? Хотя он, конечно, может – он вообще равнодушен к престарелому воину...

Вместе с двумя ординарцами-телохранителями я вхожу в особняк Гейдена. Внизу, как и положено, сидит один из его адъютантов. Рядом стоят часовые – двое рядовых Мингрельского гренадёрского полка. В лапищах этих саженного роста детинушек «Пищали»¹⁰ с примкнутыми штыками выглядят сущими игрушками – хрупкими и безобидными. Вот только на гимнастерках обоих великанов поблескивают боевые медали: у одного, так и вовсе – георгиевская! Значит, граф Гей-

⁹ Как надо, как следует (фр.). Общее значение – приличный, соответствующий правилам светского общества. Разумеется, Васильчиков употребляет это выражение в ироничном смысле.

¹⁰ Основная боевая винтовка Русской армии, образца 1886 года, конструкции А.М. Рукавишникова. Магазиновая, пятизарядная, с продольно-скользящим затвором. Калибр 6,35 мм. Патрон «6,35x45 Ру», дульная энергия 3500 Дж.

ден подбирал свою охрану не абы как, а с большим разбором – только из тех, кто отличился в боевых действиях. Ну, ничего удивительного в этом нет: такая практика уже общепринята среди всех, кто близок к государю. Но то, что этот бравый, уже почти шести десятков лет от роду, ветеран так легко примет государевы правила и обычаи – не ожидал. Право слово, не ожидал!..

Та-ак... А это что за молодцы рядом с гейденовским адъютантом сидят? Откуда это здесь оренбургские казачки? Ихто в Финляндии быть вроде не должно... Неужели мой старый дружок, атаман Оренбургского казачьего войска, генерал от кавалерии фон Ренненкампф тоже здесь?

...По лестнице мне навстречу тяжело спускается Наместник Великого княжества Финляндского, генерал-фельдмаршал граф Гейден. А следом за ним, топорща усы широкой радостной улыбкой – Генерал-губернатор Царства Польского, Пашка Ренненкампф собственной персоной!

– Здравствуйте, князь, – басит Гейден. – Весьма тронут вашим любезным согласиём принять моё приглашение. Прошу вас, пожаловать.

– Добрый вечер, граф. И вам, доброго вечера, господин казачий атаман!

В своё обращение к Ренненкампфу я пытаюсь вложить столько ехидства, сколько отпустил мне создатель. Нет, это же надо?! Как он вообще оказался в столице? В смысле: так, чтобы я не знал?! Ну, вернусь в контору – со всех стружку

сниму! Как любит говорить государь, я им всем поставлю клизьму на полведра скипидара с граммофонными иглками! Приезд генерал-губернатора Польши проморгать!..

Словно бы прочтя мои мысли, Павел подходит ко мне поближе и, после дружеского приветствия, доверительно шепчет:

– Серж, ты своих не очень-то полируй. Я прибыл тайно, по приказу САМОГО... Гревсовская служба маршрут обеспечивала, а тебя извещать не стали...

Это серьёзно. Это значит, что даже у нас может быть утечка информации. И потому-то, вместо могучего, но многочисленного КГБ, маршрут Пашке обеспечивало недавно созданное Главное Политическое Управление – ГПУ. Которое номинально возглавил Гревс, а фактически – сам государь. Злые языки уже успели переименовать данную структуру (ещё одно словечко, запущенное в обиход лично императором!) в «Гревсовский притон ублюдков». И не без основания, потому как личный состав ГПУ, состоит в основном из разночинцев и тех, кто получил блестящее образование, но не имеет звучной фамилии и собственных средств для достойного существования. Читай – бастардов, сиречь – ублюдков. У нас уже случались с ними трения, хотя пока всё же удавалось обойтись миром...

Как бы там ни было – я рад снова увидеться с Пашей. Долгое время мы с ним были просто неразлучны, а закадычными друзьями остаёмся и по сей день. Жаль вот только, что

видимся теперь редко...

Ужин у Гейдена весьма неплох, хотя собрались мы здесь, разумеется, не из-за ужина. Здесь сегодня у стола мечта британских агентов: грохнуть столько руководителей государства одним ударом! Наместник Финляндии, председатель КГБ Российской империи, председатель КГБ Финляндии, генерал-губернаторы Польши, Кавказа и Туркестана, военный губернатор Прибалтики. После меня подъехали Волкобой, Алхазов, Духовский и Георг Корфский. Если бы нас всех убить – Британской империи дышалось бы куда как вольготнее...

Самым последним прибыл, к моему удивлению, Александр Рукавишников. На каком-то новом автомобиле ярко-вишневого цвета, чуть не в два раза длиннее «Жигулей». А его-то зачем пригласили? Да, он заведует Департаментом науки и промышленности. Да, он талантливейший инженер и изобретатель. Да, он показал себя настоящим героем и грамотным командиром во время подавления мятежа Романовых, но... Но он до сих пор остаётся для меня «тёмной лошадкой», совершенно непонятным субъектом, неясно как втёршимся в доверие нашего государя. А если припомнить все оговорки Его Величества, когда он, забывшись, вдруг называет Александра Михайловича «Димкой» или «Димычем»... Очень, очень загадочный человек «светлейший граф»! Я бы как следует покопался в его прошлом, но... Категорический приказ государя прямо и недвусмыс-

ленно запрещает это делать. К тому же у этого «из грязи в князи» очень мощная собственная служба безопасности, работающая иной раз параллельно с КГБ, и работающая весьма эффективно – так просто под Рукавишникова не подкопаешься! Ладно, раз Гейден его пригласил... то знает, что делает! У старика опыт общения с «чёрной костью» не чета моему. Впрочем, что-то я... перегибаю... Государь в мудрости своей учит нас оценивать людей по их качествам, а не происхождению!

По окончании трапезы, Гейден, как хозяин и как старший по возрасту, открывает наше неофициальное совещание:

– Господа, или, как любит выражаться наш император, дорогие товарищи! Я позволю выразить общее мнение, что нам с вами выпало жить в эпоху грандиозных преобразований в Российской Империи. Происходит просто невероятное промышленное развитие! Кто бы мог подумать, что мы будем ездить на службу на автомобилях, а воевать при помощи бронированных машин, вооружённых скорострельными пулемётами! – Старик делает лёгкий поклон в сторону Рукавишникова. Александр отвечает скромной улыбкой. – Сегодня государь приватно намекнул мне, что в самом ближайшем будущем будет опубликован манифест, касающийся грандиозного передела земли.

Рукавишников рассеянно кивает – вероятно, он в курсе этого. И опять непонятно – почему он в курсе? Ладно я... Я возглавляю государственную безопасность и именно моему

комитету будет поручено следить за исполнением императорского повеления. Но каким боком здесь министр науки?

– В связи с этим, нам необходимо тщательнейшим образом подготовиться к тем действиям, которые могут быть потребованы от нас императором и отечеством, – продолжает Фёдор Логгинович. – Не думаю, что такие масштабные преобразования будут благожелательно приняты некоторыми сословиями...

– Начнём готовиться к классовым боям? – Со странной улыбкой на лице Рукавишников перебивает старшего по званию. Вижу, как дружно морщатся при виде такого грубого нарушения субординации все присутствующие, кроме принца Георга. Его высочество, видимо, в силу общей легкости нравов своего народа, даже и не понял всей тяжести проступка «светлейшего графа». Или, наоборот, из-за природного аристократизма предпочёл не реагировать на наглую выходку выдвигенца.

Неожиданно сам Гейден благосклонно кивает.

– А у вас есть чувство слова, дорогой Александр Михайлович! – говорит генерал-фельдмаршал и повторяет, сочно выговаривая: – Классовые бои! Да!!! Именно к ним и надо быть готовыми нам, верной опоре трона Его Императорского Величества! Ваше высочество, огласите!

Встает принц Георг:

– Нам необходимо рассчитать потребные силы и, в случае необходимости, обеспечить их переброску или хотя бы

способствовать их скорейшей передислокации на наиболее сложные, угрожаемые участки. Вот с этого я и предлагаю начать. В настоящий момент под командованием Его Высочайшего превосходительства генерал-фельдмаршала находятся четыре полнокровных полка. Эти части получили значительный опыт по борьбе с бандами в сложных лесных условиях. И в принципе выполнили свою задачу полностью. Поэтому в данный момент могут быть переброшены в любую точку нашей благословенной империи. Но, к сожалению, у нас не густо с путями сообщения и такая передислокация займёт слишком много времени.

– Следовательно, операцию по переброске частей требуется обдумать заранее! – подхватывает Гейден. – И надо заранее решить – какой участок является наиболее опасным, чтобы заранее создать там мощный армейский кулак! Господа... ох, простите... Дорогие товарищи офицеры, кто из вас нуждается в поддержке более других?

М-да, это генерал-фельдмаршал напрасно так спросил. Ренненкампф тут же кидается в атаку, утверждая, что минимум один полк ему необходим в Польше, и очень срочно. Духовский и Алахазов вступают с Пашей в отчаянную перепалку, яростно доказывая, что каждому из них войска ещё нужнее. Значит, придётся и мне своё слово вставить:

– Товарищи, а что мы, собственно, спорим? Я предлагаю рекомендовать государю создать нечто вроде пожарной команды. Этакую группировку войск, которую в любой мо-

мент, в кратчайшие сроки можно будет перебросить на любой из интересующих ТВД¹¹.

Произнеся это я гордо обвожу взглядом собравшихся. Гейден одобрительно кивает, Духовский, кажется, тоже не против. Волкобой что-то прикидывает, Павел вроде согласен. Рукавишников снова улыбается своей рассеянной улыбкой...

Эту идею ещё несколько лет тому назад выдвигал государь, предложив мне рассчитать возможность создания группы сил быстрого реагирования. Потом, эта идея отошла на второй план, но кое-какие заметки у меня остались.

– Будут возражения? – интересуется Фёдор Логгинович. – Замечания, пожелания?

– Группировка должна быть максимально мобильной и чрезвычайно мощно вооружённой! – внезапно говорит Рукавишников. – Предлагаю пересмотреть штаты войсковых частей и соединений в сторону полной моторизации. Сейчас эти полки заточены для действий в горно-лесистой местности, и не имеют тяжёлого вооружения, современных средств передвижения и связи. Предлагаю оснастить костяк будущих... э-э-э... десантных войск... по примеру моего Лихославльского бронекавалерийского полка!

– А почему десантных? – немного подумав, осторожно спрашивает Алахазов.

– Будем выбрасывать десант там, где потребуется резкое

¹¹ ТВД – театр военных действий.

вмешательство!

– Выбрасывать? – уточняет Волкобой.

– Высаживать! – усмехается Рукавишников. – С поездов. А в будущем, возможно, и с самолётов! Тогда эти войска будут называться воздушно-десантными!

– С самолётов? Это что-то вроде ваших планеров, Александр Михайлович? – горячо спрашивает Ренненкампф. Мне докладывали, что поиском польских инсургентов по лесам занимаются поставленные личным радением Рукавишникова планеры с пилотами, обученными в Стальграде, и занимаются весьма плодотворно, ведь мятежники не имеют никакого представления о маскировке. Паша очень доволен авиаразведкой, постоянно увеличивает численность команды пилотов и количество планеров.

– Именно, что-то вроде, Павел Павлович! – снова улыбается Рукавишников. – Думаю, что через несколько месяцев смогу удивить всех нашей новинкой, не имеющей с используемыми сейчас планерами с дельтовидным полотняным крылом ничего общего, кроме самого принципа полёта по воздуху!

Гейден, который тоже использует воздушную разведку, благодушно кивает. Может быть, я слишком строг к нашему «дорогому светлейшему графу» – всё-таки полезный он человек, хоть и выскочка?

Тут же, как из рога изобилия, со стороны присутствующих генералов посыпались предложения по штатному расписа-

нию войск быстрого реагирования. Здесь собрались самые опытные и талантливые военные профессионалы, поэтому разговор идёт серьёзный – принц Георг начинает записывать все их замечания.

Мы расходимся уже за полночь. Наспорились и наорались до хрипоты, раз пятнадцать поклялись друг другу в вечной дружбе и братской взаимопомощи и наобещали по семь бочек арестантов каждый. Пока ясно только одно: в Российской Империи образовалась новая тайная организация. Что-то вроде добровольного сообщества высших чиновников, старающихся помочь государю-императору. На прощанье граф Гейден замечает:

– Жаль, светлой памяти Михаил Николаевич Муравьёв¹² до сего дня не дожил. Порадовался бы старик, что наконец-то на троне такой император, о коем он мечтал...

Волкобой, усмехнувшись, тотчас же предлагает назвать наше «общество» Муравьёвским. Посмеялись все¹³. Внезап-

¹² Гейден имеет в виду Михаила Николаевича Муравьёва-Виленского (1796–1866), русского государственного деятеля. Во время восстания 1863 года М.-В. был назначен главным начальником Северо-Западного края с чрезвычайными полномочиями. Решительно и жестоко подавил мятеж: не считая убитых в сражениях с оружием в руках, 128 человек было казнено, 972 – сослано на каторгу, 1427 – отправлено в Сибирь. Наряду с жестокой политикой в отношении польских мятежников, проводил политику реформ и «...раскрыл белорусскому мужику дорогу хотя бы в низшие слои интеллигенции» (И. Л. Солоневич).

¹³ Волкобой намекает на то, что не менее пятерых представителей рода Муравьёвых были декабристами, причём один из них – Сергей Иванович Муравьёв-Апостол (1796–1826) был казнён. Вместе с другими руководителями вос-

но Рукавишников неторопливо говорит:

– Надобно рыцарским орденом нас поименовать! Орденом Николая Чудотворца!..

Эта мысль настолько совпадает с общим настроением, что я, например, просто не могу понять: почему это не пришло в голову мне?! Ведь и впрямь: такого чудотворца, как наш государь ещё поискать надо!..

Глава 7. ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТ

**БОЖИЕЙ МИЛОСТЬЮ,
МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙ-
СКИЙ,**

**Царь Польский, Великий Князь Финляндский
и прочая, прочая, прочая**

Объявляем всем НАШИМ верным подданным:

Божиим провидением и священным законом престолонаследия будучи призваны на прародительский всероссийский престол, в соответствие сему призванию **МЫ** положили в сердце своём обет обнимать **НАШЕЮ** Царскою любовью и попечением всех **НАШИХ** верноподданных всякого звания и состояния, от благородно владеющего мечом на защиту Отечества до скромно работающего ремесленным орудием, от проходящего высшую службу государственную до проводящего на поле борозду сохою или плугом.

Вникая в положение званий и состояний в составе государства, мы усмотрели, что землепашцы и земледельцы, кои трудом своим кормят Народ **НАШ** и подкрепляют Державу **НАШУ**, стенают под бременем непосильных тягот, не видя никакого просвета. При уменьшении простоты нравов, при умножении разнообразия отношений, при уменьшении

непосредственных отеческих отношений помещиков к крестьянам, а Государства НАШЕГО ко всем ним, при впадении иногда помещичьих прав в руки людей, ищущих только собственной выгоды, добрые отношения ослабевали и открывался путь к произволу, отяготительному для земледельцев и землевладельцев: в равной степени как для простых мирян, так и для помещиков, и неблагоприятному для их благосостояния, чему в них отвечает неподвижность к улучшениям в собственном быте.

Усматривали сие и приснопамятные предшественники наши и принимали меры к изменению на лучшее положение земледельцев и землевладельцев; но это были меры, частию нерешительные, предложенные добровольному, свободному действию властей, частию решительные только для некоторых местностей, по требованию особенных обстоятельств или в виде опыта. Так, дед НАШ – император Александр II освободил крестьян от крепостной зависимости, и в Бозе почивший родитель НАШ Александр III всемерно заботился о благе земледельцев и землевладельцев.

Однако что же открылось НАМ, по восприятию великого обета Царского служения? Многие землевладельцы не в силах дать земле НАШЕЙ должной заботы и бережения, разбрасывают Блага земные, дарованные нам Отцом Небесным, в Богоспасаемой Православной Державе нашей!

Если ещё десять лет назад нерачительные хозяева заложили двенадцать с половиной миллионов десятин земли, и долг

их составлял четыреста сорок восемь миллионов рублей серебром, то сегодня они и прочие неразумные заложили уже тридцать семь миллионов десятин пахотных и иных угодий, а долг их составляет один миллиард двадцать девять миллионов рублей!¹⁴

Таким образом, МЫ убедились, что дело изменения земельных обстоятельств Державы нашей на лучшие есть для нас завещание предшественников наших и жребий, чрез течение событий поданный нам рукою провидения.

Великий обет Царского служения повелевает НАМ всеми силами разума и власти НАШЕЙ стремиться к скорейшему разрешению сложившегося беспорядка в Державе НАШЕЙ. Повелев подлежащим властям принять меры к исполнению лежащего на каждом долга, МЫ, для успешнейшего выполнения общих, предназначенных НАМИ к умиротворению государственной жизни мер, повелеваем, что отныне:

1. Все земельные угодья: удельные, кабинетские, монастырские, церковные, посессионные, майоратные, частновладельческие, общественные и крестьянские и т. д., заложенные в кредитные и опекунские учреждения, выкупаются в течение 30 дней с момента оглашения НАШЕЙ Воли.

2. Невыкупленные имения, равно как и иные заложенные угодья, по истечении срока выкупа со всем их живым и мёртвым инвентареем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение Государства НА-

¹⁴ В.А. Федоров В.А. «История России 1861–1917».

ШЕГО, отныне и навечно

3. Какая бы то ни была порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему Государству и Народу нашему, есть преступление против Родины и Народа, караемое военно-полевыми судами, особыми совещаниями или прямыми указаниями НАШИМИ. Уездные и губернские власти принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации земельных угодий, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей охраны всего переходящего Государству и Народу нашему хозяйства со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4. Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются, а передаются им в бессрочное пользование, на возмездной или безвозмездной основе, по НАШЕМУ усмотрению.

5. Право пользования государственной землею получают все подданные Государства НАШЕГО (без различия вероисповедания, сословия, имущественного положения и пола), желающие обрабатывать её своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах её обрабатывать. Наёмный труд на взятой в аренду Государственной земле не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского об-

щества в продолжение не более 2 лет, сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности, на это время прийти к нему на помощь путём общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

6. Землепользованию указанными землями повелеваем быть уравнительным – земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям по трудовой норме.

Пользованию землею повелеваем быть совершенно свободным: подворная, хуторская, общинная, артельная, как решено будет в отдельных селениях и поселках.

Земельный фонд подвергать периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, причём преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица, по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть опла-

чены.

Повелеваем Комитету Государственной Безопасности при Совете Министров Российской Империи надзирать за исполнением НАШЕГО повеления.

Дано в Москве, в день 1 февраля, 1892 года от Рождества Христова.

На подлинном, Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано

«Николай»

Часть II. Запах грядущей войны

Глава 1. Рассказывает Афанасий Горегляд

Вы, господа хорошие, даже и представить себе не можете, какое это неслыханное счастье: начать жизнь сначала! Видимо, что-то хорошее я в своей прошлой жизни сделал, раз мне дарован Господом второй шанс! Да, именно Богом! Потому как генерал Политов явился ко мне всего лишь его посланником!

Что, товарищи, непривычно слышать от советского инженера-химика слова о Боге? Думаете, совсем из ума выжил старик, на девятом десятке лет поменявший старое дряхлое тело на молодое? Нет, ребята, я всегда таким был! А химию начал изучать потому, что хотелось узнать: из каких кирпичиков Господь создал наш мир!

Переход в далёкое прошлое оказался настоящим подарком судьбы – ведь у меня столько невероятных задумок было, столько рационализаторских предложений, столько занимательных идей... А после ухода на вполне заслуженную пенсию с должности главного инженера химического комбината мне только и оставалось, что с грустью следить, как

разваливается дело всей моей жизни – комбинат, в начале девяностых годов проданный за бесценок на каком-то «ваучерном аукционе» прямо на глазах превращается в развалины, тонкое оборудование из дорогих специальных сплавов приходит в полную негодность и уходит в утиль как копеечный «цветмет», а лично мной обученные высококлассные работники увольняются и идут торговать на рынок турецкими трусами.

Страшно было это видеть! Страшно и стыдно!

А сейчас... Я живу и работаю в конце XIX века! Я дружу с Дмитрием Ивановичем Менделеевым! Я – единственный человек, который знает о химии буквально ВСЁ!!!

Созданный моим личным попечением новый Химкомбинат (именно так – с большой буквы!!!), работает с точностью швейцарских часов! Впрочем, здесь и сейчас принято говорить «с точностью Стальградских часов» – продукция нашего общего «Хозяина» намного превосходит по качеству изделия кустарей-одинок из женеvского кантона!

Я буквально душу свою вкладываю в создание лучшего в мире химического производства. Снова учу людей, как техников, так и инженеров. Менделеев, конечно, здорово мне помогает – открыл при Московском университете факультет химиков-технологов широкого профиля. Я не поленился – как смог попытался вспомнить и перенести на бумагу учебники конца двадцатого века. Говорят, что в профессорской среде они произвели фурор – Дмитрию Ивановичу при-

шлось присвоить лавры авторства себе. К сожалению, сейчас очень сильны сословные предубеждения, и учебник, написанный мало кому известным, не имеющим профильного образования химиком-самоучкой, бывшим купеческим приказчиком, просто не восприняли бы всерьез. Тем более что там много новых, невиданных идей, которые сам Менделеев не с первого раза понял.

Это, конечно, всё хорошо, но студенты получают дипломы и придут работать на Химкомбинат только года через три. И то, боюсь, не все – по итогам стажировки будущих химиков мы подписали трудовые договоры всего с половиной курса! Поэтому мне приходится выкручиваться, налаживать работу производства при восьмидесятипроцентной нехватке квалифицированных работников, использовать на инженерных должностях выпускников Стальградского профтехучилища. Они, в своей массе, ребяташки очень умелые и старательные, но нехватка специализированного образования очень сказывается!

А ещё у меня есть возможность реализовать свою мечту о полётах! Ведь в своей прошлой жизни мне удалось лишь слегка «пригубить» это светлое чувство – воспарить над грешной землей! Здесь я летаю регулярно, ещё и молодых пилотов учу! Из-за этого я познакомился ещё и с Николаем Егоровичем Жуковским – выдающимся русским инженером-механиком, открывшим основы аэродинамики.

Сегодня я жду «в гости» моего дорогого друга, а по сов-

местительству – владельца Химкомбината и металлургического завода-гиганта, да и всего городка с населением почти в десять тысяч человек, именуемого «Стальград» – Александра Михайловича Рукавишникова. Очень, очень талантливый юноша – он ведь и в прошлой жизни едва четвертый десяток лет разменял, а поди ж ты: всего года за четыре буквально в голом поле построил настоящую «Стальную империю», выпускает паровозы, пароходы, автомобили, военные корабли, пушки, винтовки, пулемёты. Да и такой «мелочью», как печатные и швейные машинки, телефоны и дискофоны, – не брезгует! И персонально для меня в прошлом году велел своему главному конструктору Вильгельму Карловичу Майбаху создать лёгкий двигатель для моего дельтаплана. С тех пор эти летальные аппараты стали весьма широко применяться во флоте и в армии, современники почему-то прозвали их «планерами».

Приехал сиятельный граф по новой, только что заасфальтированной магистрали, соединяющий Химкомбинат со Стальградом и идущей дальше до вокзала Нижнего Новгорода. Как шутил пару лет назад Александр Михайлович: негоже въезжать в светлое будущее по залитой жидкой грязью колее. Вот и пришлось попутно ещё и дорожным строительством озаботиться! Нефтеперегонный сектор исправно работает, и его отходы в виде гудрона и битума всё равно ведь куда-то надо девать? Вот и пристроили рядом асфальтовый заводик. А парой грейдеров, бульдозеров, асфальтовых

катков и самосвалов (всё это на паровой тяге!) нас обеспечил начальник Стальградского производства Готлиб Фридрихович Даймлер. Поскольку нефтеперегонка продолжает работать, мы асфальтируем понемногу внутренние дороги Химкомбината, Стальграда, а там и Нижний Новгород в планах.

Рукавишников прибыл точно в назначенный час, вызвав своим визитом небольшой ажиотаж – поглядеть на длинную кавалькаду автомобилей высыпали из всех углов все свободные от рабочих смен. Я тоже с большим интересом осмотрел новинки: лимузин, названный в честь оставшейся в прошлой жизни марки отечественных машин – «Волгой», новые полноприводные модификации «Жигулей», трёхтонные грузовики, незамысловато поименованные «Захарами» в честь легендарного «ЗИС-5». В кузове одного из «Захаров» привезли два новых авиадвигателя – пятицилиндровые «звёзды», мощностью аж в девяносто лошадиных сил. Ими планировалось, после всесторонних лётных испытаний, постепенно заменить стоящие на дельтапланах тридцатисильные ротативные.

Впрочем, рабочие вышли встречать «Хозяина», как они его ВСЕ уважительно называют, вовсе не для того, чтобы полюбоваться на технические новинки: уже не в первый раз я замечаю, что простые работяги буквально молятся на Александра Михайловича, как на икону, а когда он проходит мимо – крестят его спину, бормоча пожелания долгих лет и прочие здравицы.

Мы с высоким гостем прошли по работающему комбинату, участкам ещё ведущегося строительства, а после обеда заперлись в моём кабинете. Его личный эскорт, как и пара сталинградских дружинников, приставленных ко мне после прошлогоднего покушения, остались снаружи.

– Ну, Александр Михайлович, отчёты вы регулярно получаете, а как личное впечатление? – достав из шкафчика отменный коньяк, я налил по пять капель.

Что удивительно – хорошенько принять на грудь, к чему я пристрастился на закате «той жизни», меня сейчас даже не тянуло! А вот так слегка «вздрыгнуть», сбивая постоянный стресс... очень даже полезно! Хех...

– Очень хорошее, Афанасий Иванович! Другого и не ожидал, зная ваш энтузиазм! Но я, собственно, не за этим. Надо кое-что обсудить. – Рукавишников потёр красные от усталости и бессонницы глаза. – Докладную записку, где вы пишете про необходимость постройки ещё нескольких химкомбинатов, я от вас получил. Зачем вам столько?

– Ну, Александр Михайлович, текущие потребности наш комбинат перекрывает с запасом. А будущие? У нас же здесь универсальное производство. А, например, нефтепереработку, а затем и нефтехимию лучше иметь на отдельной площадке. Производство порохов и взрывчатки – тем более, опасное это дело и та защита земляными валами, которую мы сделали вокруг корпусов, в перспективе будет недостаточной! Полимеры тоже надо изготавливать отдельно! И син-

тетическое волокно со временем – аналогично! Вообще у каждого производства своя специфика. Но это всё – в планы будущего развития. Подготовим инженеров-технологов, техников-аппаратчиков, они пройдут стажировку, получают опыт. Как раз и наступит время расширения нашей химической промышленности. Это надо не сегодня, но думать надо сейчас!

– Хорошо, Афанасий Иванович, я вас понял... – задумчиво постукивая пальцами по столешнице, медленно произнёс Рукавишников. – Полагаю, что строить мы эти ваши новые комбинаты начнём не одновременно. А то надорвёмся, в лучших традициях позднего Советского Союза – помните, сколько гигантских долгостроев по всей стране было? Но я на самом деле к вам не за этим приехал...

Александр Михайлович глазами показал на пустые рюмки. Я покладисто их наполнил. Ого, кажется, разговор предстоит серьёзный!

– Нам нужна авиация. А вы среди нас самый опытный в этой части. Что скажете?

Нет, я, конечно, подозревал, что когда-нибудь меня нагрузят и этим, но так скоро... Хлопнув рюмашку, я потёр виски указательными пальцами.

– А что я могу сказать? Химическую промышленность мы, в общем, не создали, только начали создавать. Дел непростительное, поле непаханное, но это мне хотя бы хорошо знакомо, я этим всю жизнь занимался. А авиация... Поймите,

Александр Михайлович, дельтапланы – не самолёты! Они хоть и работают на тех же принципах, ведь аэродинамика одна на всех, но всё же совершенно по-другому устроены и управляются! Как бы вам объяснить?.. В доступных вам аналогиях: это как требовать от человека, умеющего кипятить воду в кастрюльке, построить паровой двигатель! Мотивируя тем, что и там и там используется горячая вода! Понимаете? Я же не авиаконструктор!

– Надо, Афанасий Иванович! Больше некому, поймите! Вы с этим хотя бы сталкивались. На управление Химкомбинатом поставьте заместителей! А вы будете координировать, направлять и контролировать их работу. Тогда удастся выкроить время и для авиации. Никто же не собирается сделать из вас Поликарпова или Туполева – будете осуществлять общее руководство, направлять и координировать работу КБ и опытного завода. Так что... Лаврентий Палыч в свое время курировал атом и ракеты, ну а вам предстоит курировать химпром и авиацию!

– Берия был трудоголик – не мне чета, спал по три часа в день! И человек просто-таки энциклопедических знаний, хотя и самоучка! Я с ним лично был знаком, когда в молодости в одном «почтовом ящике» работал. В девяностые годы его в прессе травить начали, в такой херне обвиняли, что я даже смеяться не мог! Якобы он десятиклассник по всей Москве искал и где-то насиловал! Кто такую хуйню сочинил – просто идиоты: Лаврентий Палыч работал по двадцать ча-

сов, когда ему было девушек по городу искать и уж тем более насиловать!

– Афанасий Иванович, но товарища Берии у нас нет, а вы – есть! – упорствовал Рукавишников.

– Да я, Александр Михайлович, в принципе не отказываюсь, но... Понимаете, Химкомбинат сейчас делает первые робкие шаги и скинуть его на заместителей, даже самых квалифицированных и раскрепощенных, я не могу!!! Вот вы сами несколько лет буквально ночевали на заводе – мне ваши инженеры рассказывали. И только через три года, когда производство наладилось, сдали руководство своему старшему брату и господину Даймлеру. А здесь, на Химкомбинате, настолько более сложные процессы, смысла которых большинство современников даже не понимает, что вот прямо сейчас всё бросить и уйти развивать авиацию я НЕ МОГУ!!! Когда ваш замечательный дедушка агитировал меня отправиться в прошлое, я взял на себя огромную ответственность построить с нуля химическое производство – и теперь вот так всё бросить и переключиться на другую отрасль – будет просто преступлением! Наверняка на Химкомбинате начнутся аварии. И не исключая, что с человеческими жертвами! То, чем я занимаюсь, – очень, ОЧЕНЬ опасно! Вы меня простите, Александр Михайлович, но ваш сталелитейный завод – всё же более-менее традиционное для этого времени предприятие, а Химкомбинат – революционное! Нельзя его без присмотра оставлять, нельзя!

– Хм... Не ожидал я от вас такого резкого отказа, Афанасий Иванович... – загрустил Рукавишников. – Понимаю и принимаю ваши доводы! Вы человек очень ответственный, попусту говорить не будете. Но что же мне делать? Авиация нам нужна обязательно! И чем быстрее, тем лучше!

– А надо ли так быстро, Александр Михайлович? Может быть, потихоньку, в течение нескольких лет? Ведь имеющихся сейчас дельтапланов с легкими моторами нам хватает для удовлетворения имеющихся потребностей – они ведь исключительно разведкой занимаются! Чтобы сделать боевые самолёты, несущие мало-мальскую нагрузку в виде бортового оружия или бомб, потребуется не один год! Ближайший шаг – всего лишь легкие аэропланы, на которые можно будет поставить максимум один пулемёт! Такие летательные аппараты никакого влияния на ход войны не окажут! Пример – Первая мировая война – ну, что там эти самые хваленые первые асы могли сделать против миллионных армий с могучей артиллерией? Да практически – ничего! Поэтому я не советую вам, Александр Михайлович, бросаться сейчас на авиастроение, как боец на амбразуру! Можно ведь... Да не просто можно, а именно что НУЖНО создавать новую отрасль постепенно: строить производство, обучать рабочих и техников. А тем временем, параллельно, придумать необходимую структуру для применения самолётов – воздушную армию за неделю одним приказом командования, не построить!

– Вы во многом правы, Афанасий Иванович, и я ваши

доводы уже прокручивал в голове, но... — Его сиятельство встал и начал нервно расхаживать по моему небольшому кабинету. — Хрен бы с ними, истребителями и бомбардировщиками! Да, на текущем техническом уровне нам грозные машины, способные решать хотя бы частные боевые задачи, не сделать! Но у нас страна огромная, без авиасообщения, для начала хотя бы почтового, никуда! Это если мы хотим быстро развиваться, конечно. Опять же аэрофотосъёмка для картографирования — сколько белых пятен на картах, особенно в Сибири, на Дальнем Востоке! Да и функции разведки уже пора расширять — дельтапланы, с их крохотным, стокилометровым радиусом полёта, уже не вполне удовлетворяют потребности армии, и тем более флота!

Усталый гость подошёл к окну и, глядя на панораму огромного, особенно для конца нашего — теперь уже нашего — века, Химкомбината, продолжил:

— Но самое хреновое, дорогой Афанасий Иванович, что мы УЖЕ засветили дельтапланы! А у тех же англичан, да и французов, возможности промышленности всё ещё выше наших! В двух прошедших войнах мы их били только за счёт преимущества в качестве вооружения и новизны тактики! Но они быстро учатся! По данным агентурной разведки «товарища Кухулина», в Ливерпуле уже построен завод по производству «планеров». Они пока выше двух метров не летают, но ведь лиха беда начало! Если мы не будем постоянно двигаться вперёд, то наши враги очень быстро нас догонят

и обгонят! Пока потенциальный противник подхватил у нас идею мотодельтапланов и ротативные двигатели, нам надо начинать делать нормальные самолеты! А то ведь какому-нибудь умнику придёт в голову сляпать примитивную этажерку, поставить пулемёв — и что мы с нашими дельтапланами делать будем? Идею военного применения авиации мы продемонстрировали в войне против Турции, как и идею авианосцев. Пусть и в зачаточном виде, но всё же... За границей тоже не дураки сидят!

— Это понятно... — Я задумался. — Я не отказываюсь в принципе. Но бросить сейчас Химкомбинат не могу! Давайте сделаем так: вы найдёте **ОЧЕНЬ** толкового молодого человека, с хорошим базовым образованием, усидчивого, терпеливого, внимательного, старательного... Пусть ходит за мной буквально по пятам и записывает всё, что я смогу вспомнить по авиации. Дело не безнадежное — я ведь не двадцать четыре часа в день своей непосредственной работой занимаюсь — на перемещение из цеха в цех, из сектора в сектор, трачу до часа в день плюс прием пищи — ещё часа полтора в сумме. И вечерние часы — пара-тройка. Могу твёрдо обещать, что при таком графике я натаascaю товарища по полной программе, передам ему все свои знания! Но и это ещё не всё! Параллельно нужно сразу начинать строить производство. Вернее — организовать целый конгломерат новых производств! Вы, Александр Михайлович, готовы поделиться стальградскими инженерами и конструкторами? Больше

брать неоткуда...

– А зачем несколько производств? – опешил его сиятельство.

– Для создания НАСТОЯЩЕГО самолёта потребуется большой комплекс разноплановых мастерских – фактически необходим авиазавод! Ведь сборка летательных аппаратов – финальный этап. Необходимо много дюралюминия, простите – империума, как вы его называете. Причём как в виде трубок, изготовление которых вы давно освоили, так и в виде профилей и даже прокатанного листа.

– Я думаю, что сделать всё это на Стальграде будет несложно! – подумав полминуты, сказал Рукавишников. – А стадию постройки аппаратов из ткани и фанеры вы хотите сразу проскочить?

– Конечно! Зачем нам паллиатив, если мы можем сразу создавать шедевры? Иначе придётся вместо производства алюминия делать бакелитовую фанеру, дельта-смолу, спецткань для обшивки, лаки для пропитки. Причём самолёт, построенный из этой бижутерии, при более непрочной конструкции, будет тяжелее! И, что тоже немаловажно – дороже! Ведь почему в начале двадцатого века таких страшных крокозябр с тремя крыльями строили? Да просто не было развитого производства легированного алюминия, которое вы освоили ещё в прошлом году!

– Я как знал! – усмехнулся Рукавишников. – В смысле – знал, конечно, что рано или поздно понадобится!

– За что вам наше сердечное спасибо! – Я вернул его сительству улыбку. – Но материалы – даже не половина дела! Главное в любом летательном аппарате – двигатель! Вот вы сегодня привезли новые пятицилиндровые «звёзды» – это грандиозный прорыв! Повторю по буквам, чтобы вы, дорогой товарищ Рукавишников, оценили серьёзность моего заявления: это ГРАНДИОЗНЫЙ прорыв в авиационном двигателестроении! Подобного уровня двигатели появятся у наших потенциальных «друзей» только лет через пять! А мы, вернее – вы, Александр Михайлович, за это время создадите семицилиндровые «звёзды», девятицилиндровые... Трёхсотсильные, пятисотсильные! Да пока те же англичане будут ковылять в воздухе на фанерных этажерках, у нас самолёты будут как во время Великой Отечественной войны! Предсказываю, что и здесь наши штурмовики получают от супостатов кличку «Чёрная смерть».

– Ого! Мощный замах, Афанасий Иванович! – одобрительно кивнул Рукавишников.

– Со своей стороны обязуюсь наладить выпуск оргстекла – без него, думаю, не обойтись. Бронестекло, которое вы уже делаете, на самолётах в ближайшее время будет избыточным. Хотя...

– Да мы его только начали делать – полукустарным методом – чтобы хватило на несколько спецавтомобилей.

– Ну, начали так начали – всяко лучше, чем вообще ничего! И чуть не забыл про важный элемент: приборостроение!

У вас ведь тонкой механикой тот швед занимается, который в реальной истории арифмометр придумал?

– Да, Вильгодт Фёдорович Однер! Золотые руки у мужика и светлейшая голова! Он кроме арифмометра придумал печатную машинку, прибор управления артогнём, спидометр, курвиметр... Да и просто часы – от наручных до настенных.

– Пусть уже сейчас начинает конструировать коллиматорный прицел для штурмовиков и истребителей, а также бомбовый прицел! Второе как бы не более важное!

– Ну и размах у вас, Афанасий Иванович! – с восхищением в голосе произнёс Рукавишников.

– А вы что хотели, Александр Михайлович? Заниматься – значит, всерьёз! Иначе и не стоит начинать! Если не хотим ограничиться единичными кустарными поделками, чтобы на выставках красоваться. Я же вас знаю, вам через несколько лет полковыми комплектами технику подавай?

– Угадали, Афанасий Иванович! – Его сиятельство рассмеялся. – Даешь воздушную армию с десятками «Ту-160»!!! Надо с самого начала всё организовать по-взрослому, чтобы возможность масштабировать вверх была заложена изначально! Да, и обязательно опытно-научную лабораторию с аэродинамической трубой организовать надо! И руководить ею Жуковского поставить!

– Но мы самое главное чуть не забыли! – неожиданно для себя воодушевляясь, продолжил я. – Изобретать какие-то абстрактные самолёты – это как водка без пива, деньги на ве-

тер!!! Надо сразу, так сказать, на берегу, решить – что будем строить в первую очередь! И, понятно, что не «Ту-160», как бы ни хотелось – иначе надорвемся! В первую очередь, я думаю, надо спроектировать две модели: учебную и грузопассажирскую.

– Это можно совместить! – мотнул головой Рукавишников. – Помню, что тот самый замечательный «По-2» делали не только в качестве учебного, но и грузопассажирского, хоть и не массово – вместо двух открытых кабин строили небольшой четырёхместный закрытый салон, по размеру примерно как у «Цессны-172». Блин, и чего это я туплю? Вероятно, от усталости! Надо именно копию «Сто семьдесят второй Цессны» и строить! Модель-то очень удачная и простая – не даром её больше полувека десятками тысяч штамповали! Думаю, что такой лёгкий самолётик даже нынешний пятицилиндровый движок потянет! А потом будем наращивать мощность и, соответственно, увеличивать размеры и грузоподъёмность самолётов. По экспоненте... Впрочем, это надо рассчитать – посажу Воробья за калькулятор!

– А вот, кстати, ваш замечательный секретарь Николай Воробьёв, он же, насколько мне помнится, снайпер-дальнобойщик экстра-класса... – вдруг вспомнил я. – Мне при проектировании нового оборудования периодически требуются сложные расчёты. А этот юноша – настоящий живой компьютер, делает всё очень быстро и качественно! Давайте так, Александр Михайлович: я учу авиаделу вашего парня, а вы

мне Воробьёва в аренду сдаёте? Как?

— Ну, вы, Афанасий Иванович... это... совсем... — Рукавишников так оторопел, что не мог подобрать нужные слова. — Он же живой человек!

— Так я и не собираюсь его мёртвым делать! — усмехнулся я. — И вообще как-то мучить! Ну хотя бы на две недельки! Очень надо!

— Ну, если только на две... — вздохнул Рукавишников. — То выпишу ему командировку! Однако, Афанасий Иванович, смотрите, чтобы Колька у вас не забаловал — он ведь из босяков-беспризорников, сирота, на улице до четырнадцати лет жил. Как только вожжи ослабляешь... Тьфу! Как только дисциплина слабеет — Колю немедленно на всякие «подвиги» тянет! Представляете, на выпускном вечере коммерческого училища он, открывая бутылку игристого вина, пробкой попал моему старшему брату Ивану точно в левый глаз! С двадцати метров!

Я одобрительно цокнул языком. Талантище! Насколько я помнил — и узурпатора, великого князя Владимира тоже Николай Воробьёв застрелил. С дистанции в полкилометра... Жаль, что у меня такого «воробья» нет! Впрочем, и у нашего дорогого хозяина такие кадры, вроде Воробьёва или Засечного, тоже не сразу появились — просто Рукавишников тут несколько лет крутится, и правильных людей подбирает. Будут и у меня подобные специалисты! Уже сейчас я, на основании результатов стажировок студентов МГУ и учеников

Стальградского техникума, могу навскидку назвать десяток фамилий **ОЧЕНЬ** талантливых парней!

Обсуждение затянулось до вечера. Начать решили с очень легкого четырёхместного самолётика, аналогичного по конструкции и применению «Цессна-172»¹⁵. Всё очень простенько и сверхнадёжно: неубирающиеся шасси с хорошей амортизацией, минимальная механизация крыла – элероны и закрылки. Параллельно надо было заняться разработкой и производством ранцевых парашютов, и сделать парочку аэростатов для их испытаний. К счастью, подходящая для них ткань выпускалась большими партиями – она шла на крылья дельтапланов. А самое главное, теоретические изыскания, основанные на том, что мне удастся вспомнить, поручить Жуковскому, вместе с организацией аэродинамической лаборатории.

Планируя всё это, засиделись допоздна, и его сиятельство остался ночевать у меня на диванчике. Рабочий график графа полетел к чёрту, но зато он хотя бы нормально выспался, впервые за последние несколько месяцев, как мне кажется. Утром высокий гость укатил в Москву – согласовывать, организовывать, продавливать, поручать, выбивать финансирование и прочие организационные моменты, а я начал вспоминать и потихоньку записывать всё, связанное с авиацией.

¹⁵ «Цессна-172» (англ. Cessna 172) – американский лёгкий самолёт. Выпускается компанией «Цессна». Самый массовый самолёт в истории авиации: с 1956 по 2020 год построено свыше 46 000 самолётов.

Интересно, кого дадут мне в ученики? Молодого Сикорского? Пожалуй, что нет – ему сейчас должно быть года два от роду. Туполева? Аналогично! Петлякова? Он вроде ещё моложе... Поликарпова? Сухого? Яковлева? Кого, блин?!¹⁶

¹⁶ Афанасий Горегляд слабо знает историю отечественной авиации: все названные им конструкторы родились либо в описываемый период (начало 90-х годов XIX века), либо 10–15 годами позже. Привлечь кого-либо из них к работе не представляется возможным в силу малого возраста (примеч. авт.).

Глава 2. Рассказывает граф Александр Рукавишников

Весна в этом году наступила очень рано: уже в середине февраля дневная температура поднялась до семи-десяти градусов тепла, да и ночная не падала ниже одного-двух градусов со знаком плюс. Погода много дней подряд была сухой и в меру прохладной – моя любимая погода. Правда, месяц март, который недалекие (или чрезмерно оптимистично настроенные) люди называют «первым месяцем весны», совершенно спокойно мог подбросить свою лепту в копилку «злодеяний зимы» – устроить парочку метелей с ураганным ветром и многодневным снегопадом. Ну, это уж как повезёт! А сейчас хочется верить, что ничего такого... эдакого уже не случится до самого июня – мы уже начали перевозки боеприпасов и снаряжения к австрийской границе. Война, после которой мы на значительное количество лет (минимум лет на десять!) нейтрализуем ближайших врагов, предварительно запланирована на апрель, но точная дата зависит от погоды.

А сегодня у нас второй по значимости, после 9 Мая, праздник, который пока во всей Российской империи отмечает только семь человек – 23 февраля, День Красной армии! Традиционно для празднования в самом узком кругу мы собираемся на «Ближней даче». В этом году собрался полный

состав нашей команды – все семь человек! Даже из Англии прибыл «товарищ Кухулин»¹⁷ – вождь Ирландской республиканской армии, в «мирной» жизни – бывший корнет лейб-гвардии Гусарского полка Владимир Петрович фон Шенк, он же в «прошлой» жизни – генерал-майор ГРУ Илья Петрович Дорофеев.

На небольшом пяточке за воротами «дачи» – настоящее столпотворение наисовременнейшей автотехники этого мира – пять автомобилей марки «Жигули», производства Стальградского завода: три белых и два черных. Пять штук – это потому, что «товарищ Кухулин», ввиду своего постоянного пребывания на территории врага, личным автомобилем не обзавелся. А вот я приехал на совершенно новой модели: техническое чудо моего завода, настоящий полноприводный

¹⁷ Кухулин (ирл. Cú Chulainn) – герой ирландских мифов. Такой «позывной» взял себе генерал Илья Дорофеев (корнет Владимир фон Шенк), когда в 1888 году возглавил самолично созданную ИРА (Ирландскую республиканскую армию) – фактически террористическую организацию, занимающуюся массовым истреблением наиболее одиозных представителей британского истеблишмента прямо в сердце «старой доброй Англии». После начала британской интервенции в Россию во время «Заговора Великих князей», боевиками ИРА, так называемыми «бекасниками» (по-английски это звучит как «sniper», от слова «snipe» (бекас), было уничтожено свыше пятисот человек – верхушка управленческого аппарата Британской империи, армии, флота, прогрессивных промышленников, изобретателей, депутатов палаты общин (английского парламента) – практически всех, кто выступал за войну с Россией. Специально подготовленными диверсионными отрядами ИРА были уничтожены (частично взорваны, частично сожжены) несколько военных заводов, выпускающих артиллерийские орудия (в том числе сверхкрупного калибра – для боевых кораблей), паровые агрегаты для кораблей, боеприпасы, винтовки и пулеметы.

лимузин, несёт на капоте так полюбившуюся мне фигурку «бегущего оленя», только в два раза больше, чем на «Жигулях» и из чистого золота. На левом крыле роскошной, выкрашенной в цвет «пьяной вишни», «самобеглой коляски» (весом в семь тонн) красуются золотые буквы «Волга». Да, да, при выборе названий для моделей автопрома я даже не пытаюсь быть оригинальным, а просто тупо копирую названия советской «классики»! Ностальгия, ёптыть!

Собственно, автомобиль был готов ещё два месяца назад, а проектировать его начали сразу после покушения на императора, но, к сожалению, несколько применённых на нём супертехнических новинок, например гидроамортизаторы и турбонаддув двигателя, никак не хотели работать в штатном режиме. Пришлось мне побыть испытателем, так как большинство неисправностей являлись «плавающими» — то есть появляющимися время от времени, и чтобы выловить их, приходилось по-настоящему эксплуатировать автомобиль. Вот я на протяжении нескольких недель носился по Москве и Нижнему Новгороду в составе настоящего конвоя: представительская «Волга» и два «жигулёнка» — с личной охраной и автомеханиками. В случае значительной поломки «Волжанки», я с чистым сердцем оставлял бедолагу на руки механиков, а сам на запасных «Жигулях» следовал дальше по маршруту. Впрочем, таких крупных поломок, когда я и мои умельцы не могли исправить всё на месте в течение часа, случилось всего три.

Именно эту модель, сто раз проверенную, я планировал подарить другу-императору. А то неуместно (да и небезопасно уже!) Хозяину Земли русской по бескрайним просторам нашей страны на «жиге» рассекать, хоть и белой!¹⁸

Кроме нового, в полтора раза более мощного двигателя (за основу взяли движок с БТР «Вепрь», мощностью 70 лошадиных сил), новой системы амортизации, новой системы наддува воздуха, новой коробки перемены передач, нового сцепления, новой выхлопной системы, в конструкцию будущего царского автомобиля включены ещё кое-какие дополнения, связанные с чудом провалившимся покушением на Его Величество. Корпус «Волги» сварен из гетерогенной хромоникелевой брони, способной выдержать выстрел в упор из «Единорога»¹⁹. Для сравнения – аналогичными бронеплитами была защищена самая свежая версия боевой машины «Медведь»!

Система вентиляции салона – ещё одна из невиданных доселе систем (тоже долго барахлила!), была двухконтурной и в любой момент могла переключиться на внутреннюю циркуляцию – как-либо «выкурить» пассажиров из машины не

¹⁸ «Рассекать на белой «жиге». На самом деле созданный А.М. Рукавишниковым автомобиль, названный «Жигули», по внешнему виду и богатству внутренней отделки напоминал «Линкольн-Навигатор», а не «ВАЗ-2101» и его модификации.

¹⁹ «Единорог» – станковый пулемёт Русской армии образца 1887 года конструкции А.М. Рукавишникова. Калибр 10,67 мм. Патрон «10,6x87 Ру», дульная энергия 9000 Дж.

смог бы теперь и самый технически продвинутый террорист – не помогла бы ни простая дымовая шашка, ни отравляющий газ. Кроме того, «климат-контроль» позволял охлаждать (!!!) воздух внутри закрытого корпуса до приемлемых двадцати градусов. Это ещё не кондиционер, но уже нечто сравнимое!

А без такой продвинутой системы вентиляции нашему дорогому государю-императору было бы крайне некомфортно сидеть на мягких диванах из дорогущей кожи, в полностью закупоренном, как бочка, бронекорпусе – закалённые стекла толщиной от 50 до 70 миллиметров, не имели механизма для опускания. Зато стёкла «держали» пулю из «Пищали», правда, выпущенную с дистанции более ста метров. Но уж выстрелы из любого существующего ныне револьвера теперь Его Величеству не страшны даже в упор!

Завершали «портрет» будущего «членовоза» колёса, которые мы начали ставить на колёсные танки «Песец» и модернизированные «Медведи» – с толстенными стальными дисками и покрышками из синтетического губчатого каучука – разработка Афанасия Горегляда.

Ну а если добавить, что в штатный комплект императорской «Волги» входили два «Бердыша»²⁰ с тремя «Мушкетонами»²¹, и по 500 патронов на каждый ствол (оружие и бое-

²⁰ «Бердыш» – ручной пулемет Русской армии образца 1887 года конструкции Е.С. Засечного. Калибр 6,35 мм. Патрон «6,35x45 Ру», дульная энергия 3500 Дж.

²¹ «Мушкетон» – пистолет-пулемёт спецназа Русской армии образца 1888 го-

припасы были размещены внутри салона, в специально разработанных скрытых нишах), то Олегыч мог в случае чего постоять за себя и отмахаться, например, от усиленного эскадрона британских улан.

Переложив папку с документами (приходится работать в дороге) на колени сидящего рядом Воробья, выбираюсь из тёплого салона на промозглый февральский ветерок. Тяжеленная бронедверь «Волги» закрывается от лёгкого толчка рукой – настолько хорошо отрегулированы петли. Едва слышно, но сочно «чмокает» каучуковый уплотнитель. Из передних дверей ловко выскальзывают неразлучные Яшка с Демьяном. Киваю им с легкой улыбкой, мол, свободны ребята, гуляйте. Яшка тут же начинает обмениваться жестами с императорскими адъютантами Шелиховым и Махаевым. У них давние приятельские отношения, которые начались с памятного «турнира по боевым искусствам», устроенного тогда ещё не императором, а всего лишь цесаревичем в мирной предвоенной Москве, за год до «Заговора Великих князей».

Под большим навесом в углу парковки накрыт стол, стоят бутылки – свободные от несения караульной службы охранники и ординарцы «культурно» отдыхают. Вижу там несколько конных гренадёров в чёрных мундирах и лейб-конвойцев в алых чекменах. Довольно странное сочетание, но выглядит – потрясающе! Может, и мне в моём полку

нечто подобное завести? Парадную форму я ведь так и не придумал! Чёрное сукно и красные обшлаги с красными пластронами? Чёрные фуражки с красными околышами? Гм... надо подумать!

Мелькает под навесом и парочка фигур в пятнистых камуфляжных плащ-палатках – это спецназовцы полковника Целебровского, те самые герои, захватившие живьём турецкого султана. Так, кто там ещё? Три моряка – адъютанты «Грозы южных морей», генерал-адмирала Русского флота Алексея Александровича. Похожие, как близнецы, два высоких жгучих брюнета с роскошными усами, одетые в красные доломаны – офицеры лейб-гвардии Конного полка – наверняка приближённые великого князя Павла Александровича, он номинально является командиром этого полка. Интересно, а боевиков-ирландцев из ИРА, знаменитых на весь мир «бикасников», Петрович с собой не привёз? Было бы прикольно, если бы и они сейчас толкались за общим столом с офицерами и солдатами из русских полков!

У императорских «Жигулей» застыли четыре фигуры в разноцветных шёлковых рубашках-кимоно и широченных штанах-хаками – это подаренные японским императором самураи, которых Олег уже натаскал на огнестрельное оружие. Поэтому у них за широкими поясами вместо мечей-катан – револьверы «Кистень». По две штуки у каждого. Японцы – самая последняя линия обороны, если так можно сказать! Символическая, конечно, линия – ведь дальнейшее при-

крытие нашей вечеринки традиционно обеспечивают развёрнутые завесой на расстоянии пяти-семи километров от нашего мангала Кирасирский и Атаманский полки в полном составе – более десяти тысяч человек с тяжёлыми гаубицами и бронетехникой. Официально – у них учения с применением боевого оружия. Ближние подступы караулят казаки и стрелки императорского конвоя – около трёхсот человек при сотне ручных пулемётов «Бердыш» сидят в «секретах»²²

²² «Секрет» – замаскированный караульный пост, замаскированная огневая точка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.